

Саша Троценко

Ночь пройдет

18+

Саша Троценко

Ночь пройдет

«Автор»

2026

Троценко С.

Ночь пройдет / С. Троценко — «Автор», 2026

Три года после войны. Город на краю бывшего фронта пытается залечить раны, но мирную жизнь прерывает серия загадочных смертей в университете. Трагедии странным образом совпадают с возвращением изгнанницы — московской писательницы, уволенной с факультета пятнадцать лет назад. Что это: случайность или месть? Разгадка кроется в прошлом — в открытиях знаменитого историка Дмитрия Яворницкого. Его находка вековой давности способна перевернуть судьбу этих земель. Даст ли совместная экспедиция РГО и местных ученых ответ на вопрос: что нашел «казацкий батько» в колыбели вольницы и почему сегодня за это знание платят кровью? За детективной интригой скрывается глубокая драма о мимикрии зла и цикличности истории, превращающей старые обиды в новые жертвы. Это роман о поиске ориентиров и цене, которую человек готов заплатить за верность своим убеждениям.

© Троценко С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Предисловие	7
Глава 1. Первая жертва	10
Глава 2. Новый Авраам	14
Глава 3. Ведьма вернулась!	18
Глава 4. Его называли «казацким батьком»	22
Глава 5. То, что не войдет в отчёт	25
Глава 6. Демоны ярости живут в зеркалах	29
Глава 7. Пыль на осколках	34
Глава 8. Более непригодный для истории	41
Глава 9. Цветы для живых и мертвых	44
Глава 10. Реванш	49
Глава 11. Призраки прошлого	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Ночь пройдет

Глава

НОЧЬ ПРОЙДЕТ

Три года после войны. Город на краю бывшего фронта пытается залечить раны, но мирную жизнь прерывает серия загадочных смертей в университете. Трагедии странным образом совпадают с возвращением изгнанницы — московской писательницы, уволенной с факультета пятнадцать лет назад. Что это: случайность или месть? Разгадка кроется в прошлом — в открытиях знаменитого историка Дмитрия Яворницкого. Его находка вековой давности способна перевернуть судьбу этих земель. Даст ли совместная экспедиция РГО и местных ученых ответ на вопрос: что нашел «казацкий батько» в колыбели вольницы и почему сегодня за это знание платят кровью? За детективной интригой скрывается глубокая драма о мимикрии зла и цикличности истории, превращающей старые обиды в новые жертвы. Это роман о поиске ориентиров и цене, которую человек готов заплатить за верность своим убеждениям.

Москва, 2026.

Оглавление

Предисловие

Глава 1. Первая жертва

Глава 2. Новый Авраам

Глава 3. Ведьма вернулась!

Глава 4. Его называли «казацким батьком»

Глава 5. То, что не войдет в отчет

Глава 6. Демоны ярости живут в зеркалах

Глава 7. Пыль на осколках

Глава 8. Более непригодный для истории

Глава 9. Цветы для живых и мертвых

Глава 10. Реванш

Глава 11. Призраки прошлого

Глава 12. Выставка

Глава 13. Последний участник

Глава 14. Разговор с ведьмой

Глава 15. Никто, никогда, ни за что

Глава 16. Ты ждешь света, а зло уже на пороге

Глава 17. Грандиозные планы великих открытий?

Глава 18. Девятый вал

Глава 19. Все проходит, и это пройдет

Глава 20. Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным

Глава 21. Отражения в зеркале

Глава 22. Чумацкий шлях укажет нам дорогу

Глава 23. Живущий под кровом Всевышнего...

Глава 24. Не убоишься ужасов в ночи

Глава 25. Шоу должно продолжаться

Глава 26. Когда любовь сменяет скорбь, жизнь продолжается

Глава 27. Обратный отсчет

Глава 28. Возвращение домой

Вместо эпилога

Предисловие

Февраль 2014 года.

Здание центральной городской библиотеки

Отдаленный раскат грома наполнил суетливую атмосферу гомонящего зала тревожным ожиданием.

- Такая ранняя гроза к беде...

- Тссс... не мешай! Такого бреда я давно не слышал! Врет же, как дышит!

- Да что тут слушать, и так уже понятно! Чушь собачья... Смотри-ка, снова гремит!

- Опять коммуналка дорожает с марта... А мусор как не вывозили, так и не вывозят.

Куда мы катимся?..

- А нам в гранте отказали... Вот были бы мы в Евросоюзе! Там наука хорошо финансируется... А у нас все разворовали...

- Да будем-будем! Вон как народ восстал! Силища!

- Как думаешь, Янукович удержится? Или его того? Скинут?

- Да никуда он от кормушки не денется, бандюган. Вот посмотришь, побузыт-побузыт и успокоятся. Паны деруться, у казакив чубы трещат...

- А я тут блог один смотрю, там говорят, что мировая война начинается...

- Ой, да какая война! Вот тут конец света майя снова предсказали, прямо в этом году, а в новостях все про вирус Эбола твердят...

- По радио говорили, что к вечеру ожидается буря... Успеть бы домой до того, как...

Громкий шепот прервался скрипом передвигаемых стульев: сквозняк из приоткрытого окна сгонял с привычных мест любителей наблюдать с задних рядов. Но вот в зале наступила тишина, плотно обволакивающая голос выступающего. Еще несколько минут – и ее снова сменит гневный шепот, смешки и подавленные возгласы удивления.

- Представьте себе человека, который знал о запорожских казаках больше, чем они сами знали о себе! Этот человек – всем нам хорошо знакомый Дмитрий Иванович Яворницкий — «казацкий батько», историк, археолог и неутомимый собиратель древностей. Официальная биография Дмитрия Ивановича хорошо известна – родился в семье сельского дьякона в 1855 году, закончил Харьковский императорский университет, где отработал четыре года. После обвинений в южнорусском сепаратизме переехал в Петербург и там приступил к написанию диссертации по теме запорожского казачества. Но и в северной столице его снова обвинили в национализме, и даже лишили права преподавания в учебных заведениях! И Дмитрий Иванович отправился в Среднюю Азию. Ташкент, Самарканд – эти сокровищницы покорились нашему земляку, и его научные труды по истории и археологии этих мест были отмечены особыми наградами и званиями. Варшава, Москва, Казань – Яворницкий прошел долгий и сложный путь, прежде чем попасть в наш город...

- Ну мы все это прекрасно знаем! И то, что Яворницкий возглавил исторический музей, и то, как он его развивал, и как он любил наш город, раз не уехал, как все, после революции, и то, что благодаря его археологическим изысканиям мы можем доподлинно восстановить историю не только запорожского казачества, но и более ранних периодов! – этот гневный возглас словно окутался облаком негодующего шепота: «Неужто мы, историки, ученые, нуждаемся в просвещении в этом вопросе?! Видали – открытие какое!».

- А вот и неправда! – послышался голос из другого конца зала. – Яворницкий был любителем, таким же невежественным энтузиастом, как и сегодняшний выступающий! А о том, как он город любил, говорят его письма, которые он неустанно писал в Москву! Да-да, я как

раз подготовил статью об этом! Яворницкий постоянно просил о переводе его в столицу! Или какой-нибудь другой мало-мальски значимый культурный центр!

- Да какой такой любитель, Петр Васильевич, вы что?! Его имя записано на скрижалях нашей истории! Да если бы не он, не было бы Днепростроевской экспедиции, и все, что оставили по себе в Надпорожье древние цивилизации – от скифов до казаков – все было бы погребено под толщами Днепровских водохранилищ и обломками порогов при строительстве ДнепроГЭС!

- А так все ушло из нашего музея в Киев и Москву!

Последнее слово всколыхнуло острую в последнее время политическую тему. Зал наполнился шумом. Будто нарастающая лавина, и там и сям слышались возгласы, окрики, возмущения, и вот уже все это катилось волной, угрожая снести хрупкую фигурку выступающего. Снаружи же всюду бушевала гроза – внезапные молнии и отдаленные раскаты создавали иллюзию приближающегося театра военных действий. Ветер, проникающий сквозь форточки и щели, заунывно гудел, аккомпанируя развернувшейся в зале полемике.

- Господа, господа! Давайте послушаем доклад! – пожилой модератор в стареньком костюме тщетно пытался вернуть аудиторию к изначальной теме выступления. Его голос, высокий, скрипучий, тонул в какофонии звуков.

Внезапно у приоткрытого окна под очередным напором ветра вздыбилась бархатная штора. Плотная ткань будто бы ожила и обхватила сидящего ближе к ней человека. Тот, всецело поглощенный изучением синопсиса выступления, от неожиданности закричал, и, вскочив, взялся отбиваться от, как ему показалось, напавшего на него со спины монстра. Зал тут же наполнился смехом.

- От это казаче! Всегда начеку!

- Ай, какой смиливец! Добей ее, падлюку такую!

Под громкий хохот и хихиканье кто-то наконец захлопнул окно, и постепенно наступила тишина. Модератор поправил микрофон и одобряюще кивнул выступающему.

- Нам удалось восстановить некоторые, доселе неизвестные страницы жизни Дмитрия Ивановича. Как оказалось, в его жилах текла не просто казачья кровь. Хоть среди его предков были и есаулы, и сотники - не это самое главное. Мы считаем, что в роду у Яворницкого были... характерники!

- Чушь! Бабкины сказки!

- Вот нам еще страшилок про колдунов и нечисть здесь не хватало!

- Тише, тише господа! Народный фольклор такое же наследие, как и материальные артефакты. А казацкие характерники – это особый феномен, на грани психологии и народных верований. Ведь они, по преданиям, могли превращаться в животных, что зачастую решало исход боя, лечили раны, наводили на врагов морок, ловили на лету пули, предсказывали события и видели на расстоянии. И я считаю, что эта тема незаслуженно забыта! Поскольку кто такой характерник? Колдун? Но ведь запорожцы были православными, а в христианстве тема магии – это табу, страшный грех. Откуда же у верующих, и зачастую даже фанатично верующих казаков, такое почитание характерников? Почему колдунов и ведьм сжигали на кострах, а характерников изображали на картинах-иконах, которые мы называем «Мамаями»? Какова была истинная природа характерников? В чем была квинтэссенция их существования? Яворницкий однажды упомянул, что они сдерживали древнее зло, а ряд европейских исследований говорит об обратном. Так чью сторону они занимали? Светлую или темную? И самый главный вопрос – а вдруг характерники по-прежнему среди нас? И тогда по-прежнему ли они сдерживают древнее зло, или давно уже породнились с ним и стали его частью?

Последняя фраза, сказанная зловещим шепотом, была встречена гробовой тишиной. Буря за окном постепенно затихала, и толстые стекла приглушали звуки города, доносящиеся с центрального проспекта. В этой вязкой глухой атмосфере всех почему-то охватило предчув-

ствие скорой беды. Очень скоро что-то должно случиться. Что-то чудовищное, неотвратимое. Будет ли это конец света, обещанный древними цивилизациями, столкновение со зловещей планетой, очередная волна смертоносного азиатского вируса, или может быть такая немисли-мая сегодня, нереальная здесь, в самом в центре Европы, война?

Глава 1. Первая жертва

Пятнадцать лет спустя

Морская звезда. Да, именно так. Она была словно морская звезда, которую застал врасплох очередной отлив: пухлая, влажная, мертвая. Вокруг нее громоздились смятые и разбросанные ее агонией одноразовые тарелки, стаканы, остатки скудной еды, и все это «великолепие» еще больше придавало ей сходство с морской звездой на отмели.

Ее бывшие подчиненные стояли в стороне, а в их глазах – нет, там был не страх, не жалость, и даже не скорбь. Там было удивление, глубокое и искреннее удивление – неужели?

«Наверное, это инфаркт» - с радостной скорбью заядлой сплетницы заявила одна из коллег. Все остальные словно китайские болванчики согласно закивали головами. Несмотря на трагизм ситуации у них появилась потрясающая новость. Теперь можно каждому знакомому полным ужаса голосом рассказывать, как заведующая кафедрой прямо во время произнесения тоста на праздничном заседании внезапно схватила за горло, а потом рухнула всей массой своего тела прямо на стол, хрипя и размахивая руками и ногами, так, что бокал (вернее пластиковый стакан), который она только что держала в руках, закатился под стоявший в трех метрах стол... И обязательно нужно будет добавить, что впервые смерть явилась перед тобой в таком страшном, просто отвратительном обличье, и что ничего омерзительней ты в жизни не видел, и что ты до сих пор видишь в кошмарных снах ее выпученные глаза на посиневшем лице, ее предсмертный звериный оскал, и слышишь этот запах, этот ужасный запах опустевшего, мертвого тела... и каждый обязательно произнесет, вспомнив свои обиды: «И поделом. Так и надо! Бог ее наказал!». Да уже сейчас, в их зловещем шепоте Дмитрий слышал эту фразу «Бог ее наказал!».

Дмитрий – молодой аспирант, сотрудник кафедры, первым опомнился от шока. Он сразу вызвал скорую, после чего тут же позвонил своему закадычному другу Антону Петрову, майору полиции, потому как в кино такая смерть всегда была неслучайной. Почти все время до приезда скорой Дмитрий отчаянно пытался спасти заведующую кафедрой – он перевернул ее посиневшим лицом вверх, старался освободить дыхательные пути и делал непрямой массаж сердца. Все напрасно. Заведующая кафедрой локальной истории Любовь Витальевна Орлова умерла мгновенно.

- Судя по синюшности губ и симптомам – это сердечный приступ. – Развел руками фельдшер. – Мы ей уже ничем помочь не можем, ждите бригаду.

Коллеги, которые стояли в стороне даже тогда, когда Дмитрий производил реанимационные действия, шумно и дружно вздохнули. Ну нет, так нет – читалось этом вздохе.

Капитан полиции Антон Петров приехал один. Заходя в кабинет, он на ходу доставал бланки заявления и протоколов допроса, прикидывая, нужно ли вызывать криминалистов сразу, или все-таки подождать. Он застал на месте медиков, которые были уверены в естественности смерти. Банальная ситуация – престарелая женщина с излишним весом скоростно скончалась прямо во время сабантуя, разве это редкость в наше время? Значимости этому делу не добавляла и руководящая должность умершей. Все равны мы перед смертью, всех разит ее копьё¹...

Антон был зол на своего друга, отнявшего у него два рабочих часа. Его раздражала эта обывательская любовь к детективам и вера в торжество справедливости. В жизни, в его оперской рутинной жизни все было иначе – пьяные разборки и поножовщина, где все виноваты,

---

¹ Шота Руставели. Витязь в тигровой шкуре

бессмысленные самоубийства и несчастные случаи, где никто не хотел, но так получилось... Не было в этом всем торжества справедливости, не было правды и чести, только бесконечная гора бумаг на столе в рабочем кабинете, которая только умножится за эти два часа, проведенные здесь.

- Дима, зачем ты меня сюда дернул? – гневным шепотом спросил он друга. Тот был бледен и растерян: «А что? Разве не полицию нужно вызывать в таких случаях? Ты единственный полицейский, которого я знаю...».

Антон вздохнул. Раз приехал, нужно заполнить бумажки.

- Господа ученые, мне нужно вас всех опросить.

Коллеги по кафедре дружно загудели, перебивая и перекрикивая друг друга в попытке донести до полицейского подробное описание происшествия. Антон поморщился и поднял руки в успокаивающем жесте:

- Я сейчас сяду вот сюда, и каждый мне по очереди все расскажет.

Допрос ожидаемо не принес ничего нового. Коллеги в основном делились потрясением и повторяли одно и то же, примешивая к рассказам личные обиды и сплетни.

- ... это так ужасно, так ужасно... Я так потрясена, впервые в моей жизни такое...

- А вы, что, думаете, что ее отравили?!

- У нее давно уже сердце барахлило, не удивительно...

- Да бессердечная она была, никому никакого сочувствия, тромб, наверное, оторвался...

- Вот так подняла рюмку, открыла рот и все-е...

Через полчаса допросов Антон сдался. Он поблагодарил всех за неоценимую помощь и распрощался. Выходя в коридор, он столкнулся с Дмитрием. У того был вид провинившегося школьника.

- Есть какие-то зацепки? – с надеждой спросил он.

- Ну, Дмитрий Иванович, вот что мы имеем. Любовь Витальевна Орлова 1952 года рождения, уроженка села Иваново Рязанской области, заведовала кафедрой 35 лет, почетный член всевозможных академий и президиумов, выпустила несколько десятков благодарных аспирантов, некоторые из которых уже доктора наук. Коллеги и подчиненные отзываются о ней... ну как обычно в таком коллективе, неоднозначно. В семейном плане тоже все как у всех в таком возрасте - муж умер несколько лет назад, двое взрослых детей, внуки и все такое. Поэтому внешне все выглядит как традиционный инфаркт на рабочем месте. Традиционная жизнь и традиционная смерть. Так что я пошел, заполнять бумажки и писать рапорт, спасибо, тебе, дружище, за дополнительную работу.

Дмитрий с тоской посмотрел в окно, выходящее во внутренний двор корпуса. На улице начинало сереть – близился вечер. Немногочисленные студенты ушли домой еще до обеда, и сейчас корпус потихоньку покидали взбудораженные трагедией коллеги. Война, закончившаяся три года назад, наложила на них на всех свой отпечаток. Духовно или физически покалеченные, угнетенные, живущие в бесконечной суете и погоне за каждой копейкой, они так или иначе сводили случившееся сегодня к собственным проблемам и невзгодам. Смерть коллеги становилась лишь бледным фоном их жизненных злоключений.

Корпус пустел и постепенно погружался во тьму.

- Димочка, ты еще не ушел! – с облегчением воскликнула Лариса Николаевна, главный лаборант. – Нужно дождаться труп...машину, которая увезет Любовь Витальевну... Потом нужно будет закрыть кафедру и ее кабинет. А у меня Артемка со школы пришел и сам дома. Звонил уже три раза, большой мальчишка, а темноты по-прежнему боится...

Сирены и обстрелы не прошли даром ни для кого. Сколько детей по прошествии трех лет все также просыпается в ужасе, когда за окном бушует гроза или нерадивые граждане запускают фейерверки... Дмитрий заверил коллегу, что справится и с санитарями, и с дверью, и она обрадованная ушла домой.

Дмитрий войны почти не видел. В самом ее начале он учился на втором курсе этого университета, правда на другом факультете. Он хорошо помнил приготовления перед ней – учебные тревоги и проверки сирен, тренировочные эвакуации, уроки выживания и оказания первой помощи. В памяти было свежо и утро, когда на город обрушились первые ракеты. Потом же все сливалось в единый серый день – обстрелы, сирены, мобилизация, взрывы, отловы, смелые заявления властей о готовности воевать до последнего украинца... Он помнил, как плакала мама, упрашивая его уехать к родне в Румынию или к знакомым в Польшу. Но Дмитрию было жалко бросать университет, и он упорно не соглашался. Близился призывной возраст, мама старела на глазах, вокруг все рушилось и тлело... В их маленькой квартире стояли иконы и пахло воском – мама часто молилась и зажигала свечи. Дмитрий помнил, как однажды к ним в дверь постучали – проверяли, есть ли в доме уклонисты. И как чуть позже эти визиты стали едва ли не ежедневными. А потом каким-то чудесным образом подвернулся тот грант на обучение в Краковском университете. Тогда уже таких, как Дмитрий, не выпускали за границу, но фонд, организовывавший обучение, позаботился и о выезде, и даже о документах для мамы. Не забыли и кота – дворянин Василий очень быстро обзавелся породой, фамилией и международным ветеринарным паспортом. Мама потом говорила, что это Божье провиденье, которое она вымолила.

Когда война закончилась, Дмитрий решил вернуться. Дом с их маленькой квартиркой, оказался разрушенным. Но Дмитрию даже дали какую-то большую денежную компенсацию, которую он тут же отправил матери, оставшейся с котом в Польше...

На старую акацию села стая черных грачей. Перекрикиваясь, они явно готовились к ночлегу. В окнах соседних зданий зажигался свет, небо озарялось отблесками подсветки торговых центров и рекламных щитов.

После нескольких часов томительного ожидания на лестнице, наконец, послышались гулкие шаги. «Тудой, тудой!» - командовала старенькая вахтерша двум тучным санитарам, которые пыхтя и тяжело отдуваясь, поднимались по ступенькам. Они бросили хмурый взгляд на молодого аспиранта, и проследовали на кафедру. Уже спустя несколько минут грузная гора плоти проплыла мимо Дмитрия. Краем взгляда он заметил ярко красный орнамент на импровизированном саване, и понял, что это была праздничная скатерть, еще недавно уставленная нехитрыми угощениями.

От этого зрелища Дмитрия охватила такая тоска, что он поспешил покинуть корпус, чтобы поскорее добраться домой. Там можно завернуться в теплый плед и под шум засыпающего города, помечтать о своем великом будущем, не думая о мрачном настоящем.

Закрыв дверь и сдав ключ на вахту, Дмитрий вышел на высокое крыльцо старинного корпуса, вдыхая морозный воздух полной грудью. Мартовская ночь уже заключила город в свои студеные объятия. Проспект жил своей жизнью: пыльной, шумной, яркой. В уличном освещении изгибистые стволы голых акаций казались особенно черными. Дмитрий смотрел на них и вспоминал, как упоительно и сладко пахли они в детстве – беззаботностью, летними каникулами, счастьем... А как цвели эти отважные деревья тем летом в год перемирия! Устоявшие при обстрелах и взрывах, они порождали веру в то, что война окончена и жизнь продолжается.

***

А потом наступила непростая, полная тревожных ожиданий ночь. Охваченная морозом, урбанизированная степь ждала нового жизненного витка. Измученная, истерзанная индустриализацией и урбанизацией, стянутая сеткой железных дорог и испещренная шахтами, карьерами, котлованами и воронками от бомб и снарядов, она по-прежнему таила в себе первозданную мощь, так почитаемую предками. словно тонкие кровеносные сосуды, мелкие ручьи и речушки несли свои воды к могучему Днепру, который, как и прежде, был источником жизни и смерти.

Над серым полем, превратившимся в последние годы в пустырь, взошла луна. Ее бледный диск прорвался сквозь дыру в сизых тучных облаках, гонимых ветром с севера. Все вокруг наполнил призрачный мутно-желтый свет: он осветил и голые дубравы с черными стволами, и смоляную гладь Днепра, подернутую ледяной коркой, и овражистые склоны более мелкой реки, и темные буераки, и бесконечные, заросшие сухостоем поля, полные современных опасностей, и спящее поодаль село. Тусклый свет выхватил из посадки ржавый танк, опутанный сухой лозой дикого винограда и поросший колючим терновником – природа, давясь, старалась поглотить следы и этой чудовищной, кровопролитной истории. Вдруг из темной гущи молодого подлеска вышел страшный всколоченный волк. Хищно пригнувшись, он описал круг вокруг танка и направился к Днепру. У самого берега он замер, как будто бы прислушиваясь, а потом поднял морду вверх, к луне, и завыл. Встревоженные непривычным звуком, в селе залаляли собаки. Но вот луна скрылась в пелене туч, и наступила тишина. Степь погрузилась во тьму.

Кто-то верил в то, что все это пространство священно, полно христианской любви и Божьей благодати. Ведь не зря же первозванный апостол Андрей соорудил и водрузил на высоком берегу Монастырского острова дубовый крест и долго молился, благословляя это место на долгое изобилие и благоденствие? И не зря Потемкин именно здесь задумал «город во имя любви»?

Были и те, кто говорил о том, что вся эта степь проклята. Их было много: персы, истощенные изнуряющей войной со скифами, знаменитый Геродот, записавший предания о смельчаках, рискнувших состязаться с степью, окровавленные турки, бежавшие от ярости запорожцев в Тавриду, французские и немецкие солдаты, чьи оловянные пуговицы плавилась от жаркого солнца и трескались от лютого мороза – Дикое поле было нещадно ко всем, ступившим на его земли.

Кто из них был прав? Проклято ли это место или полно любви? Никто в тот вечер и в ту ночь не думал, что банальная смерть станет первым звеном в цепи событий, которые дадут ключ к ответу на эти вопросы.

Глава 2. Новый Авраам

В галерее современного искусства на Проспекте в это утро было на удивление немногочисленно. Залы с постоянной экспозицией и вовсе пустовали. Но пройдет пара часов, и пустое пространство наводится разговорами и вспышками фотокамер, спорами и обсуждениями, вздохами удивления и отвращения. Нужно только подождать пару часов, и звенящая тишина уйдет, а вместе с ней уйдут и мрачные мысли, заикленные как цирковая лошадь с того самого звонка до последнего слова. «Мама...» - это было последнее, что сказал Валентине Васильевне ее единственный, дражайший сын, умирая где-то под Павлоградом на окутанном дымом и гарью поле. Где там, на фронте он взял телефон, для Валентины Васильевны оставалось загадкой, на которую она даже не пыталась искать ответ. Она помнила все в деталях – и ранее мартовское утро, полное тревоги, и шум оживающего города за окном, и тоскливую тишину опустевшей квартиры, и внезапный звонок. Валентина Васильевна помнила, как медлила - такие звонки с незнакомых номеров чаще всего несли для матерей взрослых сыновей страшные новости. Она помнила каждую деталь не разговора, нет – неоконченного монолога. Сын, смертельно раненый звонил попрощаться.

«Опять эти мысли по кругу» - Валентина Васильевна тяжело встала с неудобного стула и медленно двинулась по галерее вдоль висящих на стене черно-белых фотографий. Одинокое будни тянулись мучительно долго, и слишком много времени оставалось для этой страшной пытки – думать постоянно об одном и том же. Поэтому Валентина Васильевна и пришла работать сюда три года назад, когда быть наедине с собой стало совсем уже невыносимо. Счастливой пенсионерской жизнью она успела пожить недолго – чуть больше года. Потом началась война, а потом сына призвали... В той, прошлой жизни, они жили достойно – была пенсия, зарплата сына, накопления и еще одна квартира в центре города, оставшаяся после смерти мужа, которую она сдавала и сейчас. Тогда, в прошлом, Валентина Васильевна вставала рано, выходила на утреннюю прогулку в ближайший сквер, после которой всегда заходила в магазин и покупала свежайшие булочки к завтраку. Потом они вместе с сыном пили чай, и он уезжал на работу. Очень скоро все это осталось в прошлом...

Еще до того, как прийти работать в галерею, а потом - по редко выпадающим выходным, она все так же вставала рано, и так же, не изменяя своим привычкам, шла на прогулку, после которой, минуя знакомый магазин, приходила домой, включала телевизор, и подолгу смотрела в окно. Телевизор работал громко, заглушая скорбную тишину, но Валентина Васильевна его не слушала и не слышала – мысли ее были далеко, в полях под Павлоградом. Как же часто в прошлой жизни она говорила «достойно», это слово даже стало ее девизом. Сейчас же она не могла простить себе этого, простить себе того, что воспитала сына достойным человеком, тогда как недостойные уехали, сбежали, спрятались, и сейчас продолжали жить.

Внезапно тишину галереи прервал звук шагов. В зал вошла небольшая экскурсионная группа, возглавляемая медиатором. Валентина Васильевна остановилась и попятилась к углу, освобождая по инструкции пространство. Медиатор замер, призывая посетителей последовать его примеру. Все покорно остановились, с любопытством озираясь по сторонам. Медиатор закрыл глаза, сложив руки на груди. Лицо его приняло скорбное выражение, а ноздри подрагивали. Посетители недоуменно переглядывались, поглядывая то на медиатора, то на картины, на Валентину Васильевну. Пожилая смотрительница только развела руками, она до сих пор не могла просчитать и предугадать действия этих чудаковатых экскурсоводов. Медиаторы и их методы были придумкой владельца галереи, который всячески подражал европейским и американским выставочным объектам.

Наконец медиатор ожил. Он окинул группу снисходительным взглядом и заговорил, стараясь придать своему голосу трагичные нотки:

- Здесь и сейчас, в этом зале, мы возвращаемся в беспокойное прошлое! Люди, остановитесь! Забудьте здесь и прислушайтесь к себе. Что Вы чувствуете?

- Очевидную тревогу – попытался пошутить кто-то из экскурсантов.

Но медиатор вцепился в эту фразу:

- Да, Вы правы! Тревога – вот что чувствуют здесь все посетители! Здесь нет горя, опасности и страха, которые поймал объектив камеры фотографов. – Медиатор показал на фотографии, и обведя рукой вокруг себя, продолжил: – Но и спокойствие мирного времени здесь прерывается. Ведь именно здесь проходит граница между прошлым и будущим!

Валентина Васильевна закрыла глаза, пытаясь сдержать слезы. Как отвратительно пафосно и далеко от ее трагедии звучала речь молодого медиатора.

Тем временем он подвел группу к фотографии, висящей в центре зала. Огромное полотно, занимавшее большую часть искусственной стены, имело скверное разрешение, фотография была зернистой, явно сильно увеличенной при печати. Но сюжет фотографии сразу захватывал внимание, и качество фотографии уходило на последний план: распахнутые двери военного «хаммера», на переднем плане мужчина, военный, который держит на руках мальчика-подростка, поодаль еще один военный, лежит на земле, закрывая голову руками.

- Эта работа называется «Авраам». Фотография сделана боевым дроном, оператор которого, заметив машину противника, принял решение ликвидировать объект. Но когда дрон приблизился к машине, она остановилась, и из нее выскочили двое военных. Как Вы думаете, кто они?

Экскурсанты, присматриваясь, загудели.

- Наши парни. – дрогнувшим голосом сказал пожилой мужчина.

Не делая окончательного вывода из многочисленных реплик, медиатор продолжил:

- Один из них бросился на землю, ожидая взрыва, а второй – достал из машины ребенка и показал его камере дрона.

- Да он им прикрывается! – воскликнула одна из экскурсанток.

Валентина Владимировна тяжело вздохнула. Сейчас начнется бессмысленный, бестолковый, жестокий спор, царивший в обществе в послевоенное время. Как и многие другие, эта война неизбежно закончилась. Начался тяжелый и противоречивый этап примирения. Трещины и расколы, наспех залатанные политическими лозунгами и решениями, никуда не делись, они осыпались по краям и ширились вглубь. Люди разных взглядов привычно раздавали друг другу прозвища, популярные в бытовой полемике: ждуны, мируны, токсики, ватники, нацики... Медиатор затеял опасную игру, и знал об этом. Но только так, считал он, через спор и боль можно прийти к компромиссу. Однако сегодня кто-то свыше пожалел Валентину Васильевну и спора не вышло.

— Это было другое время – грустно заметил кто-то из группы. Его посыл утонул в вялых комментариях, осуждающих действия военных с обеих сторон.

Задачей медиатора было подвести группу к пониманию названия работы, поэтому он попытался направить ход диалога в нужное русло:

- Сюжет этой работы символичен – офицер готов принести в жертву собственного ребенка, и это спасает и его, и весь экипаж машины! Ведь оператор дрона, увидев ребенка, отвел оружие. Эта фотография стала объектом споров, ее показывали и в подтверждение тому, что противник готов прикрывать себя детьми, и как доказательство того, что мир в этом конфликте возможен. Но что это на самом деле?

- Диалог! – высокое сопрано прозвучало неожиданно резко и громко. Медиатор, готовый завершить свою речь, в изумлении застыл.

Незаметно для всех присутствующих, в зал зашли трое – две женщины и мужчина. Еще двое мужчин зашли и стали поодаль. Их функции были очевидны – телохранители. В лице одной из женщин присутствующие могли узнать главу города – Татьяну Владимировну Гастилло. Круживший вокруг нее Петр Иванович Пяткин был владельцем галереи. Реплика же была сказана их спутницей - неприметной женщиной средних лет.

Присутствующие зашептались.

Медиатор наконец пришел в себя:

- Расскажите нам поподробнее, что вы думаете об этой работе!

- Ну хорошо. - голос женщины стал мягче и тише. Было видно, что к вниманию к своим словам она привыкла, а потому каждая сказанная ею фраза звучала уверенно и весомо. – На этой фотографии мы с вами действительно видим диалог... – сделав эффектную паузу, она продолжила – Да, именно диалог. Фотография не может передать разговор, к тому же герои сюжета на первый взгляд молчат. Но на самом деле мы с вами, господа, наблюдаем именно диалог двух взрослых мудрых мужчин. Их разделяет гигантская темная пропасть, они находятся по разные стороны фронта. Один стоит на пороге смерти, но не это пугает его. Посмотрите внимательнее, что выражает его лицо – страх за свою жизнь?

Экскурсанты снова зашептались.

- Ну же, мы все любим советы психологов, изучаем приемы, которые помогают угадать настроение собеседника. Что же мы видим на этом лице?

- Отчаяние? - робко спросил кто-то из группы.

- Да, отчаяние. Отчаяние, смешанное с ужасом. Он показывает тому, кто по ту сторону пропасти – смотри, у меня ребенок! Пощади, не стреляй! Или может быть – стреляй, но смотри нам в глаза! Он не прикрывается ребенком, он показывает его. Это не жертва, и не живой щит, это высшая ценность этого момента. И эта ценность – ребенок, становится эфемерным мостом через пропасть. Эта пропасть никуда не делась, она существует между странами, между людьми. Но вот эта фотография – это символ неоднозначности той страшной эпохи, которую мы с вами пережили. И все же, мне кажется, что «Авраам» - очень точное название. Как много мы готовы принести в жертву ради того, во что по-настоящему верим?

Наступила пауза. В этот момент каждый думал о своем. Валентина Васильевна, привыкшая быть невидимкой на рабочем месте, украдкой вытерла слезы. Как ужасающе одинока она была здесь, в этом зале полном людей, в этом городе, продолжающем жить, будто бы ничего и не было – ни ее утраты, ни ее непосильной, невыносимой жертвы, ни последующего, почти что бессмысленного существования между опустевшей квартирой и полными чужих лиц улицами и проспектами.

Петр Иванович, владелец галереи, подумал о том, как точно попала американская бомба в исторический музей, уничтожив ненужные свидетельства прошлых грехов. И как удачно он ухитрился пристроить модульное сооружение к полуразрушенному зданию, создав поистине архитектурный шедевр. А Татьяна Владимировна думала о том, что еще секунда и за паузой последует ожесточенный спор, который никак не входит в ее планы. Будучи опытным руководителем и занимая долгое время высокий пост в городской иерархии, Гастилло научилась выходить из сложных дебатов победителем, во многом благодаря дару предвидеть их и даже предотвращать. Вот и в этот раз она поспешила повлиять на развитие ситуации, избегая ненужной ей полемики:

- Как видите, уважаемая Анастасия Валерьевна, у нас есть современные выставочные пространства, мы ведем активную просветительскую деятельность. Поэтому, я думаю, что вы убедились в том, что наш музей, и эта галерея, и наш город – это лучшее место для того, чтобы явить миру выставку картин с казаком Мамаем из частной коллекции Эмили Тремейн! Мы так гордимся, ведь об этой коллекции стало известно сравнительно недавно, и вот она уже в нашем городе, в стенах нашей галереи! Пойдемте, я вам покажу, как идет подготовка к

выставке! – Татьяна Владимировна ловко взяла спутницу под руку, увлекая ее прочь из зала и от возможных разговоров.

И все потекло своим чередом. Медиатор увлек группу в следующий зал и помещение опустело. Постепенно удаляясь, стих звук шагов и разговоров, и наступила тишина. Валентина Васильевна вернулась к своему креслу - передохнуть пока нет посетителей. Превозмогая боль в коленях, женщина тяжело опустилась на стул, и на секунду закрыла глаза, прислушиваясь к себе и ожидая, когда болезненные ощущения утихнут. И в этот самый момент в зале будто из ниоткуда появился высокий мужчина. Он стоял у центральной фотографии, вглядываясь в лицо современного Авраама. «Как много мы готовы принести в жертву ради того, во что по-настоящему верим?» - беззвучно прошептал он, повторяя недавно прозвучавший вопрос. Вдруг он резко развернулся и решительным шагом устремился вслед за Гастилло и ее важной гостьей.

Глава 3. Ведьма вернулась!

Так как они сеяли ветер, то и пожнут бурю...²

Дмитрий шел к Проспекту быстрым шагом, иногда срываясь на бег. Сегодня он впервые за три года своей работы в этом городе проспал. Вчера смерть заведующей кафедрой настолько потрясла его, что он никак не мог заснуть. Дмитрий бродил по комнате от окна к увешанной постерами и репродукциями стене, и обратно, потом ложился в кровать, укрываясь с головой и снова, обуреваемый воспоминаниями, вскакивал и шел к окну. За стеклом царил темная, холодная мартовская ночь. Она сочилась сквозь закрытое окно и потрескавшиеся откосы, скользя ледяным холодом и тело, и разум. Два раза Дмитрий грел уже заваренный любимый мятный чай, но терзаемый мрачными мыслями, так и оставил его нетронутым. Наконец ночь уступила место мартовским сумеркам, и когда на горизонте забрезжила огненная полоска света, Дмитрий забылся тревожным сном.

Сейчас он проклинал и будильник, и мяту с валерьяной, подействовавшие невовремя, и свою чрезмерную эмоциональность. Путь от университетского общежития до корпуса, где работал Дмитрий, занимал минут двадцать пешего хода. Здание общежития построили давно, до войны это был жилой дом элитного класса – он стоял на склоне холма, видовые окна открывали панораму на Днепр, а в двух шагах раскинулся старинный парк, заложенный еще к приезду императрицы Екатерины Великой. Дмитрий еще успел «вкусить прелести» старого университетского общежития, которое находилось на проспекте Науки и нуждалось в капитальном ремонте еще с развала Союза. Он прожил в тесной комнате со щербатым полом и заколоченным окном всего несколько месяцев, когда владельца элитной недвижимости в городе арестовали американские друзья, а его активы были национализированы. Построенное, но еще не сданное в эксплуатацию здание передали университету, руководство которого приняло решение разместить в нем общежитие для преподавателей и научных работников. Так Дмитрий въехал в просторные апартаменты с видом на Днепр и индустриальные ландшафты за ним.

Обычно Дмитрию нравилось ходить пешком по городу. Его манила городская светлая жизнь, кипящая на просторных улицах, архитектурная эклектика и смешение стилей, многочисленные кофейни и необычные памятники, которые таились порой в самых неожиданных местах. Казалось, город совсем не затронула война, и жизнь здесь была ключом, вселяя хрупкую надежду на личное счастье. Как правило, Дмитрий шел не торопясь – так можно было подметить старинное крыльцо или крошечную скульптуру, разместившуюся на дереве или даже фонарном столбе, поймать в объектив камеры необычный вид или забавную сцену из городской жизни. Но самое главное, что занимало его в этих неторопливых пеших прогулках – это возможность представить себе город глазами Дмитрия Ивановича Яворницкого – первого директора Исторического музея, знаменитого краеведа, археолога и как его часто называли – «летописца» казачьей истории, жившего здесь столетием ранее. Дмитрий открыл для себя тематику казачества еще в институте, тогда же он впервые познакомился с творчеством своего знаменитого тезки – Яворницкого. В аспирантуре при выборе темы он не колебался и с уверенностью взялся изучать биографию историка: его роднило с ним и имя, и этот город – ведь именно здесь Яворницкий провел большую часть своей жизни. Да и кафедра, на которой теперь работал Дмитрий, располагалась в самом старом здании университета, которое когда-то занимало Реальное училище, а позже – Высшие женские курсы, где Дмитрий Иванович читал свои знаменитые публичные лекции по истории края и о казацкой эпохе. Проектировали здание име-

---

² Библия, книга пророка Осии, глава 8, стих 7.

нитые по местным меркам архитекторы конца девятнадцатого века, и это позволяло относить его к памятникам архитектуры, и считать городской достопримечательностью. Дмитрий, всегда подходя к корпусу и разглядывая его изысканный силуэт, представлял себе, каким здание виделось Яворницкому, как он поднимался по высоким ступеням, сосредоточенно обдумывая план экспедиции или очередное научное открытие...

Однако сейчас, шагая по скверу на Соборной площади, Дмитрий не замечал привлекавшего его ранее колорита. Мысли о знаменитом тезке тоже не занимали его. Сейчас важно было другое – кто теперь будет заведовать кафедрой, кто будет его научным руководителем и, самое главное, – сможет ли он выйти на защиту при сложившейся ситуации? Как назло, декан утром оповестил всех о срочном собрании ровно в 10.00, а значит, у Дмитрия есть еще полчаса. Но кто гарантирует, что декан не соберет всех раньше? Ведь рабочий день на кафедре всегда начинался ровно в девять часов утра.

«Какая плохая примета – опоздать именно в этот день!» - почему-то подумалось Дмитрию. Но вот на горизонте показался перекресток Проспекта и площади. Дмитрий поравнялся с Галереей современного искусства, пристроенной недавно к зданию Исторического музея, того самого, который больше века назад возглавил Дмитрий Иванович Яворницкий. Возле входа галереи что-то происходило – толпились и толкались репортеры, поодаль стояла машина с охраной. В другое время Дмитрий остановился бы поглазеть, что происходит, но сейчас на это совершенно не было времени. Пробираясь сквозь толпу зевак и журналистов, он столкнулся с высоким мужчиной, чье лицо казалось смутно знакомым. Но в этот момент из галереи показались процессия, возглавляемая Гастилло, и репортеры устремились к ней. «Видимо, привезли высоких гостей на выставку картин казака Мамаю. А этот странный тип... Где же я его видел?» - не останавливаясь подумал Дмитрий, и уже через несколько минут переключился на текущие переживания.

Путь от галереи к университету не занял много времени. Подходя к корпусу, Дмитрий испытывал странное волнение, никак не связанное с его опозданием. Так в прошлом древнее чувство предупреждало человека об угрозе, таящейся за спиной или в темноте за пределами костра.

Корпус встречал привычной тишиной. О вчерашней трагедии напоминали лишь суетливые действия техника, который устанавливал в нише при входе траурный портрет. Рядом со стремянкой и нехитрым инструментом стояла «дежурная» ваза с искусственными розами, которую использовали по разным случаям – и для украшения объявлений, когда кто-то получал награду или приезжали именитые гости, и для траурного оформления, как сейчас. Наконец техник, закрепил портрет и со вздохом облегчения отошел, осматривая свою работу. И когда он уже было наклонился к вазе, чтобы водрузить ее на небольшой выступ в нише, как портрет с оглушительным треском рухнул со стены на пол. Чертыхаясь, техник снова начал прилаживать его на стену.

- Третий раз уже падает, зараза – посетовал он проходящему мимо Дмитрию.

На кафедре на первый взгляд ничего не напоминало о вчерашнем происшествии. Стол был убран, пол вымыт, коллеги сидели на своих местах в полном составе, как, впрочем, и обычно в это время. Но дверь в маленький кабинет заведующей, обычно открытая настежь, сейчас была заперта. Эта зловещая деталь снова вызвала у Дмитрия странное беспокойство.

Торопливо поздоровавшись, он сел за стол, вытащил из сумки ноутбук и включил его. «Что же делать дальше? Я сегодня совершенно не могу работать! Хорошо, хоть занятий сегодня нет... Нужно чем-то занять себя до начала совещания с деканом...И коллеги все молчат» - Дмитрий старательно изображал занятость, периодически бросая взгляды на сотрудников. Наверняка все они делали то же самое.

Механически он открыл страницу городского портала с новостями, и быстро увлекся чтением. Оказывается, в город приехала известная писательница со странной фамилией Коно-

топская! Дмитрий слышал о ней разное: Конотопская писала детективные рассказы для детей и подростков о памятниках культуры, проводила публичные лекции, даже участвовала в оценке разных проектов. Конотопскую везде, и как считал Дмитрий, по делу, активно критиковали – мол, не вникает в сущность вопросов, очень поверхностна и вообще сама ничего не делает, а озвучивает чужие мысли и достижения. Дмитрий даже читал разоблачения ее художественных трудов и был в чем-то согласен с критикой – в рассказах о памятниках не выдерживалась историческая достоверность и были фактические ошибки. Кто-то утверждал, что рассказы и вовсе создавались при помощи искусственного интеллекта, а имя Конотопской на обложке издательство писало из коммерческих целей.

- Ведьма! Эта ведьма снова в городе! – внезапно закричала Татьяна Ивановна, заслуженный педагог кафедры. Обычно строгая и сдержанная, она не могла совладать с собой. Вся ее поза, голос, интонации – все выражало даже не страх, а ужас. Коллеги, как понял Дмитрий, сразу догадались о ком идет речь, и возбужденно сгрудились вокруг Татьяны Ивановны. Она, тыча в экран своего ноутбука, повторяла: «Ведьма! Ведьма!», а сотрудники, охая и ахая, отрывисто переговаривались. Дмитрий подошел поближе и увидел, что коллеги читали ту же новость, что и он несколько минут назад.

В этот момент на кафедру зашел декан исторического факультета – Сиволапов Владимир Богданович.

- Коллеги, я уже Вас заждался! – сказал он полушутливым тоном, но все суетливо засобирались в переговорную, так как знали, насколько обманчиво может быть впечатление от этой манеры разговора.

Дмитрий машинально подхватил свою дежурную папку с материалами и записями – он намеревался после совещания обсудить с деканом свои дальнейшие перспективы. Но из головы у него не выходила эта фраза – «Ведьма в городе». Может быть это прозвище – раз Конотопская, значит ведьма? В коридоре Дмитрий нагнал Зою – дружелюбную даму лет пятидесяти, которая все про всех знала. Она на ходу сосредоточено кому-то писала сообщение в телефоне.

- Зоя, что за ведьма? – шепотом спросил Дмитрий, нагоняя ее. Зоя, вздрогнув, обернулась. В этот момент лицо ее напоминало застывшую маску – макияж неестественно ярко проступал на бледном лице, в глазах плескался страх. Увидев Дмитрия, она облегченно вздохнула, но телефон быстро спрятала в карман.

- Фу, напугал! Ну тебя! – в привычной кокетливой манере зашебетала она. – Ты не знал?

Дмитрий покачал головой.

- Ну слушай сюда, – обычно с этих слов начинались самые скандальные и невероятные истории – Зоя знала все сплетни и умела подавать их с мастерством заправского рассказчика. – Знаешь Конотопскую Анастасию? Ту, которая детские книжки пишет? Ну вот! Она у нас работала на кафедре лет пятнадцать назад, правда фамилия у нее тогда была другая. Пришла сразу после вуза, писала диссертацию на какую-то странную тему, а потом увлеклась какими-то сказками, легендами, даже книгу умудрилась издать. Любовь Витальевна ее всегда поддерживала, была ее научным руководителем, но она такую дичь всегда творила – вечно с кем-то ссорилась, ввязывалась в склоки... представляешь – на полном серьезе обвинила Морковкину в продаже каменных артефактов! Будто бы та продавала настоящих каменных баб из музея коллекционерам на западе, заменяя настоящие подделками!

Морковкину Дмитрий заочно знал и уважал – она более тридцати лет достойно руководила историческим музеем – тем самым, у истоков которого стоял Яворницкий. Это неслыханно - обвинить ее в такой краже!

Видя реакцию собеседника, Зоя продолжила:

- А ее книга с казацкими легендами – это же вообще! – Зоя произнесла последнее слово с возмущением в типичной южной манере - «вопще!». — Это был позор! Все тогда возмутились, а несколько наших именитых историков написали разоблачения и разгромные рецензии.

И вот тут прозвенели первые звоночки. – Зоя заговорщицки подняла палец вверх. - Все они один за одним в течение года, – тут она сделала зловещую паузу и продолжила уже шепотом, - умерли! А она все же доигралась! На бульваре напротив нашего корпуса всегда стояла чугунная ограда. Ее потом сняли на реконструкцию, а прокурорские – ну те, которые работают в соседнем здании - пользуясь случаем, стали ставить на бульвар машины. Так она, представляешь! Написала письмо президенту! Мол, ограду специально сняли, чтобы из бульвара сделать парковку, а ограда историческая, находится под охраной. Такой был скандал! По шапке получили все – и главный прокурор, и местный глава, и даже губернатор. Ограду, кстати так и не нашли, но машин там больше не было. А вот прокурор был дружен с нашим первым проректором. Вдвоем они быстро нашли виновницу и попытались от нее избавиться. Но не тут-то было! Она цеплялась как клещ. Мы ее и из Союза историков исключали, и голосовали против ее кандидатуры по всем вопросам, и даже студентов подключили, чтобы те жаловались на нее, собрания через день порицательные собирали. В итоге она ушла, но в последний рабочий день она нас так проклинала, такое всем желала... А спустя несколько дней при уборке за батареей мы нашли странный предмет – какой-то маленький скелетик, и с тех пор на нас посыпались разные несчастья. Сначала у прокурора сын сбил двух женщин на переходе. Дело стало резонансным, сына посадили, где с ним расправился муж одной из жертв, сидевший в этой же тюрьме по стечению обстоятельств. Прокурора вскоре сняли с должности, а потом, когда с приходом новой власти, начались посадки и репрессии, он и вовсе лишился свободы и имущества. Первый проректор через год сторел от рака гортани. Все причастные к ведьминому уходу начали так или иначе страдать. Потом началась война. Валера... Валера был ранен и остался инвалидом. А теперь вот и Любовь Витальевна... - они подошли к переговорной, и Зоя, не закончив предложения, влилась в поток входящих внутрь сотрудников. Ошарашенный новостями, Дмитрий в раздумьях застыл на входе.

- Дима! – окликнул его из переговорной Владимир Богданович. - Заставлять коллег ждать себя нехорошо. Господа, не толпитесь, проходите, проходите!

И Дмитрий вошел внутрь. Его снова охватило уже было утихшее утреннее волнение: начинается что-то страшное, пугающее, после чего его мир уже не будет прежним.

Глава 4. Его называли «казацким батьком»

Этот город убивал его. Он стал его тюрьмой на долгие годы. Провинциальный, маленький по столичным меркам, скучный и серый – этот губернский город давил в нем все творческие порывы и желания. Вдохновение можно было найти только вдохнув полной грудью жаркий степной воздух, вобрав в себя этот могучий, тысячелетний рев Днепра, который раскатисто и гулко отдавался в самых темных уголках степных байраков. Эта раскидистая бескрайняя степь таила в себе бесчисленное множество сокровищ. Какие знания она могла открыть перед ним – скромным профессором, которого так занимала история запорожского казачества! Ведь именно здесь, в этих южнорусских степях, в изгибе древнего Славутича сложился тот многонациональный живой организм, нагонявший страх на все окрестные народы! Здесь когда-то билось самое сердце казачества – Запорожская Сечь!

Такие мысли занимали Дмитрия Ивановича Яворницкого каждый раз, когда он смотрел из окна мезонина своего просторного дома на голубую ленту Днепра, бурлящую в преддверьях первого днепровского порога, на изумрудные острова и золотые поля, занимавшие весь горизонт сколько хватало глаз. Дом его располагался на высоком городском холме у Потёмкинского сада, в двух шагах от музея и Преображенского собора, силуэт которого особенно нравился Дмитрию Ивановичу, потому как среди невыразительной застройки вызывал в памяти петербургские архитектурные мотивы.

О Петербурге ученый в последнее время вспоминал часто. Чем больше времени проходило, тем сильнее обострялись старые обиды. После Харькова и несправедливого обвинения в южнорусском сепаратизме, этот город - Петра творенье - дал ученому живую надежду на свободу. Яворницкий с головой окунулся в исследования и столичную культурную жизнь. Именно в Петербурге зародилась его давняя дружба с Репиным, и Дмитрий Иванович по праву считал себя причастным к славе художника. В столице Яворницкий почти написал диссертацию по истории запорожского казачества, однако защитить ее смог только спустя полтора десятилетия – его и тут обвинили в украинском националистическом движении и буквально выдворили из столичной жизни. Дело, конечно же, было отнюдь не в национализме и сепаратизме - и в Харькове, и в Петербурге они служили лишь поводом, прикрытием для корыстных мотивов более властных и хитрых коллег. Яворницкий прекрасно понимал, кому мешала его работа в Петербургском университете и боролся за свою должность и возможность работать до конца. Но его силы в борьбе с интригами, апеллирующими к официальным нарративам, были неравны.

Сейчас историк почему-то чаще всего вспоминал именно начало длинного и мучительного процесса изгнания его из Петербургского университета. В то роковое утро, необычно ясное для северной столицы, вдохновленный недавним открытием он шел по набережной Невы. Если все сложится удачно, то вскоре он снова отправится к степным курганам у Днепровских плавней, и потом вполне определенно превзойдет по известности выскочку Шлимана. Единственное, что нужно – получить финансирование на новую археологическую экспедицию. Волнение, охватившее тогда по обыкновению уверенного в себе Яворницкого, постепенно перерастало в нечто большее. «Дай мне знак!» - суеверный, впрочем, как и любой человек того времени, Яворницкий оглянулся: над Невой кричали в вечном споре за нехитрую добычу чайки, на противоположном берегу вздыбился конь Медного всадника, а острый шпиль Адмиралтейства внезапно вспыхнул на солнце золотым светом, на миг ослепив ученого. «Вот оно! Все получится!» - с ликованием тогда подумал он. Мог ли он тогда знать, что словно чайка, будет бороться с себе подобными за место под солнцем, и жизнь его наполнится не открытиями и исследованиями, и ссорами и криками? Мог ли он представить себе, что очень скоро яростность «Медного всадника» в его жизни сменит разумная твердость «Медной бабушки», и из

города Петра он переберется в город, созданный во славу Екатерины, где о золотой игле Адмиралтейства ему будет ежедневно напоминать венец Преображенского собора? Того самого, который сам Потемкин задумал «на аршин больше, чем в Ватикане»³?

Вид на Днепр возвращал Яворницкого из серых воспоминаний о Петербурге к жизни. Ученый любил смотреть на бурные воды степной реки - этот русский Иордан, в котором князь Владимир крестил Русь, по-прежнему источал святость и мощь. Яворницкий представлял себе, как меняется природа от Валдайской возвышенности к устью у самого Черного моря. В уме ученого вставали картины, как быстрые славянские ладьи скользят вниз по течению, грозно направляясь в Царьград, как шустрые казацкие чайки, выныривая из бесконечных зарослей камыша, несутся к берегам Анатолии, и как торговые флотилии, груженные специями и шелками, тяжелоуходно уходят от столкновения с гранитными препонами...

Где-то здесь грозная, жестокая история Дикого поля оставила свои артефакты, свои свидетельства. Все они скрыты, погребены под слоями пепла и грунта, поглощены современными ландшафтами. Это не те следы истории, которые он наблюдал в Средней Азии и Египте. Там даже тяжелые пески пустынь не смогли поглотить наследие древних цивилизаций. В европейских городах история и вовсе подмешивалась к современности – вот античный храм, возле которого вырос город – там кишит жизнь, снуют торговцы, попрошайки, бродячие артисты, тут и там кто-то спорит, кричит, смеется... Но здесь, в степи только небо и бесконечный океан зелени и разнотравья... Вот ветер гонит зеленую волну и из нее к солнцу взмывает жаворонок... Здесь то и дело возникали цивилизации. Величественные скифы вспахивали эту степь, и она дарила им жизнь. В высоких курганах, подобных египетским пирамидам, они хоронили своих царей, оставляя с ними все, что их окружало: золото, вино и хлеб, жен, слуг и любимых коней. Вопреки их вере, забрать с собой накопленное за короткую степную жизнь не получалось, и все это оставалось здесь, сокрытое степью. Она также покрывала и следы, оставленные кочевыми народами, и сожженные хутора селян, осмелившихся поселиться здесь, в этом Диком Поле... Где-то здесь сгинул и славный Святослав Игоревич в битве с печенегами. Кровь его впиталась в благодатную землю, а днепровские воды поглотили и людей, и быстрые ладьи – и следа не осталось... Запорожская Сечь – славная вольница, угнездившаяся в излучине Днепра, между коварными порогами и Великим Лугом... Без единого выстрела сдалась она российской армии – увезли на Соловки Калнышевского, расселились запорожцы кто где – по слободам Малороссии, хуторам и станицам Кубани, за Днестром... И снова могучее море степи сомкнулось, и исчезла и Сечь, и схроны, и казацкие «дубы»... Сам Яворницкий однажды гостил у менонитов – переселенцев с германских земель, приглашенных еще Екатериной Второй. Ему не понравилась системность ведения хозяйства, строгость немцев и их традиционная педантичность. В ней не было ничего общего ни с залихватским отчаянием запорожцев, ни с сытым гостеприимством колоритного малороссийского крестьянина. Бледные белобровые немки, безэмоциональные и спокойные, так разительно отличались от украинских дивчат - румяных хохотушек и сплетниц. Но и от менонитских колоний не осталось и следа – Первая мировая война принесла горе и утраты, а вместе с ними и жажду мести. Поиск внутреннего врага страшным ударом разрушил немецкие колонии – ужасная кара народного гнева ждала тех, кто не успел покинуть собственноручно построенные дома и бросить возделываемые поля и уголья. И вот новый этап, новая империя – индустриализация! Закончится ли он свержением новых идолов? Скроет ли бескрайняя степь руины и этой цивилизации? И сохранит ли то, о чем писали и Геродот, и де Боплан, о чем перешептывались старцы в подземельях Киево-Печерской лавры, о чем казаки рассказывали только под хмелем после страшных сражений...

---

³ По одной из версий Преображенский собор планировался Г. Потемкиным на аршин больше, чем собор святого Петра в Ватикане

Яворницкий знал, что именно этот предмет мог даровать тайную силу и при мысли об обладании им больше всего страшился своих жутких, темных желаний, порождаемых обидой...

Глава 5. То, что не войдет в отчет

Ищите и найдете, стучите, и отворят вам...⁴

Дмитрий будто очнулся. Он провел рукой по глазам и с удивлением для себя обнаружил, что совещание подходило к концу. «Неужели это все мне приснилось? И Яворницкий, и Днепр, и Петербург?». Дмитрий тревожно оглянулся – не заметил ли кто его внезапной слабости? Но никто не обращал на него никакого внимания. Коллеги напоминали рассерженный рой пчел: они гудели и спорили, при этом уловить суть спора было невозможно. Декан, хитро прищурившись, наблюдал за происходящим.

- Достаточно! – вскочил с места факультетская звезда Степан Репов, известный своими трудами по средневековому периоду истории Украины. Его теория о древних казацких городах в Северном Причерноморье хоть и не выдерживала никакой критики с научной позиции, но одно время была очень популярной. Ее брали на вооружение чиновники, апеллируя в потоке дерусификации к придуманному Реповым прошлому, она нравилась патриотично настроенным гражданам и общественникам, ее по-своему использовали краеведы и экскурсоводы в попытке состарить историю и добавить сенсационности ничем на первый взгляд непримечательному городу. Общественное одобрение и городская известность сделала Репова любимчиком начальства – ему стали поручать руководство денежными проектами и встречи важных гостей, ввели в состав ученого совета и редколлегии университетского научного журнала – по городским меркам это считалось едва не Олимпом в научной карьере. При всем этом самого Репова нельзя было назвать шарлатаном, наоборот - он прекрасно разбирался как в мировой, так и национальной истории, генерировал оригинальные идеи и обладал поистине богатырской хваткой, когда дело доходило до получения грантов или государственного финансирования его проектов. Но пугающий, яростный национализм, иногда перетекающий в плоскость фашизма, привычка судить людей по месту рождения и полная убежденность в своей избранности со временем превратили его едва ли не в изгоя. Даже общество его единомышленников таяло на глазах, ведь в последнее время национализм снова терял свою популярность. Привыкший делить мир на черное и белое, Репов считал, что это к лучшему – под влиянием новых веяний конъюнктурщики уходили, и оставались, по его мнению, наиболее преданные вере и стране люди. На кафедре Репова, хоть и уважали, но побаивались и не любили. А студенты называли Репова не иначе как «амбивалентным». С одной стороны, он был прекрасным лектором, на его занятиях всегда было интересно, жаркие дискуссии умело направлялись в нужное русло, ни разу не перетекая в скандалы. На зачетах и экзаменах он никогда не спрашивал о своей теории, и всегда строго придерживался официальных версий, прописанных в авторитетных источниках и вузовских учебниках. При этом наиболее смелые учащиеся иногда рисовали карикатуры, изображая Репова с гитлеровской челкой и характерными усами. Так они выражали и отношение к реакционности Репова, и к его суровости на зачетах и экзаменах. Но сам Репов никак на эти выходки не реагировал. А так как со стороны студентов жалоб никогда не поступала, а деньги по грантам поступали регулярно, его позиции на кафедре были непоколебимы.

- Достаточно! – снова прокричал в своей экспрессивной манере Репов. – Тільки вщухли останні вибухи, а крики жінок все ще лунають понад кладовищами, а ми вже з руснею в ясна цілуємося! Ми не будемо приймати цю делегацію! Ми не будемо проводити їх по наших роз-

---

⁴ библейская цитата из Нагорной проповеди Иисуса Христа (Евангелие от Матфея 7:7, также Луки 11:9)

копках! І ми не будемо ділити з ними науку! Все, що я можу запропонувати – це екскурсія до підземелля автозаводу із проживанням та іммерсією!⁵

Последняя фраза была встречена гробовой тишиной. Автозавод стал последней точкой в страшной братоубийственной войне. С советских времен на предприятии проектировали и собирали спутники и комплектующие для ракетно-космической отрасли, а с первых дней войны завод стал производить оружие и ракетное топливо, а потому стал первоочередной мишенью. Его судьбу определила американская ракета, сбита российским «орешником» прямо над территорией предприятия. Осколки упали на цеха, вспыхнул пожар, перекинувшийся на подземные хранилища. Там сдетонировали резервуары с топливом и хранящиеся боеголовки, превратив территорию завода в выжженное поле. Другие осколки посыпались на жилые дома. Страшных последствий удалось частично избежать благодаря тому, что секретные разработки и склады, где готовили сокрушительный удар по противнику, стали причиной частичного переселения жителей под предлогом срочной принудительной эвакуации. Весь район, выстроенный в свое время на средства завода и для его работников, сегодня так и остался в руинах: его не пытались восстанавливать и объезжали стороной, опасаясь новых взрывов, ведь никто так доподлинно и не знал, что еще осталось в тайных подземных хранилищах. Западная пресса окрестила случившееся символом войны, в которой страна стала кровавой ареной распрей двух сверхдержав. Трагедия объединила всех и стала переломным моментом в новейшей истории. Но весь район, вся выжженная территория стала страшной кровоточащей раной, о которой старались не говорить.

В наступившей паузе слова декана Сиволапов прозвучали особенно весомо.

- Коллеги, мы с вами вошли в новый этап жизни. Он непростой, полный неоднозначных, сложных решений, но он есть, и мы с вами в нем тоже есть. Мы не в праве идти по пути эскалации, поэтому мое последнее слово и мое решение – мы принимаем делегацию Русского географического общества у себя. Они что-то нашли в своих источниках, а это и для нас шанс сделать важные исторические открытия. И главное - РГО щедро оплачивает эту экспедицию. Степан, я понимаю твое негодование, но, если ты метишь в руководящие позиции, учись проявлять гибкость.

Последний аргумент возымел свое действие, и Репов, бурча и возмущаясь, сел на свое место, ожесточенно складывая бумаги в кожаную папку. Коллеги притихли, переглядываясь. Было понятно, что их сейчас занимал вопрос: кто же будет на этих самых «руководящих позициях»?

А дальше день потек своим чередом. С деканом Дмитрий так и не поговорил – тот убежал на встречу с ректором. Но это не могло быть поводом к расстройству – Сиволапов, уходя, пообещал Дмитрию сохранение и темы, и места на кафедре. А подробности можно будет обсудить с ним в другое, более подходящее время. Все ждали, что Репов будет возмущенно ходить от кабинета к кабинету, но к всеобщему удивлению, он сослался на встречу в историческом музее, быстро собрался и покинул факультет. Коллеги расслабились и приступили к излюбленному в академической среде делу – обсуждению сплетен. Тем для разговоров сегодня было предостаточно.

- Вы думаете, нами скоро будет руководить Репов? – с ужасом спрашивали лаборанты, сразу представляя себя едва ли не узниками концлагеря.

- Да не – отвечала всегда спокойная заведующая лабораторией Лариса Петровна – уж скока я таких перебачила, оцей не зможе, дюже скандальний. Рехтор таких не поважае. – ее

---

⁵ Достаточно! Только утихли последние взрывы, а женские крики все еще звучат над кладбищами, а мы уже с русскими в десна целуемся! Мы не будем принимать их делегацию! Мы не будем сопровождать их к нашим раскопам! И мы не будем делить с ними науку! Все, что я могу предложить – это иммерсивную экскурсию в подземелья автозавода! (укр.)

суржик вселял уверенность, и разговор перетекал в плоскость обсуждения личных качеств Репова, пока снова не возвращался к исходному вопросу «А вдруг нами будет руководить он?».

- А как же Валера? – горестно восклицала Зоя. – Ведь он был первым кандидатом? А его даже на совещание не пригласили... - и далее все обсуждали Валеру, его судьбу и возможные шансы на заведование кафедрой.

Темы сменяли одна другую, как в калейдоскопе: «Кто и когда будет хоронить Любовь Витальевну?», «Как быть с ее нагрузкой?», «Будет ли кто-то пришлый?», и самое главное «Как же так это все произошло?». Когда в продолжение последней темы коллеги перешли к обсуждению приехавшей в город ведьмы, Дмитрий превратился в слух. Но ничего нового для себя не услышал – скандалы, интриги, обвинения, книга... Стоп – книга! Он понял, о какой книге шла речь! Как любитель городской истории и всего необычного он, конечно, ее читал – это был сборник казацких легенд. Вот только фамилия на книге была другая. Дмитрий не помнил, какая, но точно не Анастасии Конотопской. Книгу ему предложила руководитель отдела редких изданий университетской библиотеки, куда Дмитрий пришел в поисках трудов о Яворницком. С трепетом вручая невзрачный томик в темной обложке она сообщила Дмитрию тревожным шепотом: «Это написала наша...». Имени память не сохранила, только ласкательно-уменьшительную форму, вроде Танечка или Машенька.

Дмитрий помнил и тишину пустой библиотеки, и этот заговорщицкий тон, и пыль на обложке книги – было понятно, что ее давно никто не открывал. Он отложил ее напоследок, о чем сильно пожалел. Потом Дмитрий приходил сюда несколько дней подряд, и наступившие выходные стали для него томительным перерывом в изучении казацкого фольклора. Он даже на время позабыл про свою основную тему - Дмитрия Ивановича Яворницкого...

Дмитрию было очевидно - книга написана в какой-то спешке: текст пестрел опечатками, будто кто-то быстро печатал, исправлял и снова печатал, но так и не вычитал написанное. В книге он обнаруживал и фактологические ошибки – он подчеркивал их карандашом и делал пометки на полях. Но в общем, манера подачи, стиль, тематика и истории понравились Дмитрию, он даже задумал сделать что-то подобное по своей теме. Автора книги он так и не нашел, да особо и не искал – в тот период на него навалились новые дисциплины, кандидатские экзамены и прочая текучка, присущая профессиональной жизни молодого аспиранта. С тех пор прошло более двух лет, поэтому идея о собственной книге про легенды великого историка померкла и забылась.

Внезапно Дмитрий почувствовал себя участником некоего квеста: вот подсказка, ее нужно детально изучить, чтобы найти ответ. Что-то подсказывало ученому, что и смерть заведующей, и приезд ведьмы, и даже грядущая экспедиция – это все звенья одной цепи.

«Надо будет уйти пораньше, чтобы заскочить в отдел редкой книги» - подумал Дмитрий. Вот только у кого отпрашиваться? Дмитрий осмотрелся по сторонам, в поисках ответа на свой вопрос. Коллеги, видимо поняли, что работы сегодня не будет, и вдоволь начесавшись языками, начали постепенно расходиться. Дмитрий подумал было, что можно последовать их примеру, как вдруг вспомнил, что Любовь Витальевна хранила копию ключа от своего кабинета в стоящей на книжном шкафу вазе. Однажды он случайно увидел, как она, кряхтя, доставала ее, чтобы открыть кабинет, когда зазевавшаяся уборщица унесла ключ домой. Сейчас ему пришло в голову, что это может быть отличной возможностью получить хоть какие-то ответы.

С трудом дождавшись, когда все коллеги уйдут, Дмитрий приступил к задуманному. Он едва не уронил вазу, доставая ее с высокого шкафа. Странно, что ее не доставали во время защит и праздников, когда букетов становилось слишком много и в ход шли даже обрезанные пластиковые бутылки. Внутри вазы что-то тихо звякнуло, и Дмитрий с внутренним ликованием достал ключ: он был настолько неприметным, что никто бы не догадался, что он открывает, не зная заранее.

Без труда попав в кабинет заведующей, Дмитрию буквально на долю секунды показалось, что она вышла и сейчас вернется – на столе лежал открытый ежедневник, рядом с ним – мобильный телефон и небрежно сложенные бумаги. На стуле стояла незакрытая сумка – она, будто бы с недоумением тарашилась на внезапного гостя, раскрыв беззубый рот. На столе стояла чашка недопитого чая, ярлычок от чайного пакетика был обернут вокруг ручки несколько раз – так Любови Васильевне посоветовали сделать на какой-то конференции, и она с тех пор неуклонно следовала этому совету.

Уже несколько лет, с тех пор как умер муж, пожилая заведующая жила одна. Дети разъехались по разным странам, убегая от войны и мобилизации. С сыном, перебравшимся с семьей в Испанию, она много лет не общалась, а дочь жила в Германии, но сообщили ли ей о случившемся, Дмитрий не знал. Да и кто будет выяснять ее контакты и звонить, разве что активная и коммуникабельная Зоя?

Полицейские вчера, сочтя смерть естественной, все записали, зафиксировали и уехали. Вот так кабинет и сохранил нетронутыми самые последние часы жизни Любови Витальевны, открывшиеся перед Дмитрием сейчас в совершенной точности.

Чувствуя себя вором, Дмитрий, стараясь ступать беззвучно, приблизился к столу. На нем лежала раскрытая книга, та самая. Она пестрела пометками, отдельные страницы были помечены флажками-закладками, и целые абзацы выделены маркером. Книга была раскрыта на введении, которого в библиотечном экземпляре не было. Дмитрий хорошо помнил, что началась книга с пролога. Но сейчас присмотревшись, он понял, что введение все же когда-то было, до того, как кто-то вырвал страницы с третьей по шестую. На шестой странице, которую перед смертью читала Любовь Витальевна, автор выражал благодарности. Внимание молодого ученого привлек выделенный желтым маркером и обведенный красной ручкой текст: «Хочется выразить глубокую признательность моему первому учителю, научному руководителю – заведующей кафедрой локальной истории, профессору Любови Витальевне Орловой на неоценимую помощь и поддержку на всех этапах подготовки рукописи». Для Дмитрия это не стало неожиданностью, ведь он уже знал и про ведьму и про ее связь с кафедрой. Но вот приписка на полях напротив этого абзаца заставила Дмитрия похолодеть. Он несколько раз прочитал две короткие фразы, после чего схватился за телефон и принялся звонить своему давнему другу Антону. На полях каллиграфическим почерком, не характерным для вздорного характера заведующей, было выведено: «Смерть рядом. Жди.»

Глава 6. Демоны ярости живут в зеркалах

День клонился к концу. В галерее всю готовились к открытию выставки, а поэтому вход для посетителей ограничивали. Смотрители в процессе подготовки не участвовали, а потому в такое время всегда была возможность уйти домой пораньше. Сегодня Валентина Васильевна впервые за все время своей работы в галерее воспользовалась этой возможностью: она неважно себя чувствовала как физически, так и морально. Нестерпимо ныли колени и спина, и принятая еще утром обезболивающая таблетка начала действовать только к обеду. Жаль, что для души такой таблетки не было. После всех разговоров утром в галерее, тяжелая рана саднила с новой силой.

Валентина Васильевна отпросилась домой. Там она выпьет чаю с печеньем и ляжет в постель. Сон для нее был лучшим лекарством от всех недугов.

Уже подходя к дому, Валентина Васильевна заметила свою соседку и подругу – Татьяну. Та сидела на лавочке у подъезда, сгорбившись и закрыв лицо руками. Плечи ее сотрясались от рыданий. Валентина Васильевна сразу поняла, в чем дело. Она присела рядом и обняла подругу за худенькие плечи:

- Танечка, ну ты что? Побереги себя, главное, что живой!

- Да лучше бы...лучше бы он умер! Для него же лучше! – эти жестокие слова, путающиеся с рыданиями, словно выстрел, поразили Валентину Васильевну. Она отшатнулась от подруги, оттолкнув ее от себя, жадно хватая воздух. В глазах потемнело, и Валентина Васильевна, отчаянно, наотмашь ударила Татьяну ладонью по лицу. Та схватилась за щеку и горько по бабьи завывала. Она уже поняла, как страшно прозвучали ее слова для осиротевшей матери, и отчаяние ее сменилось виной и горем. Валентина Васильевна же в ужасе от содеянного, рыдая обняла подругу за плечи, и так они и сидели, прижавшись друг к другу, горячая каждая о своем и одновременно об общем.

Из окна на втором этаже за женщинами наблюдал немолодой уже сын Татьяны – Валерий Ухов. Это он был первым претендентом на заведование кафедрой локальной истории, о котором говорила Зоя. Когда-то давно, почти что в прошлой жизни Валерий был амбициозным ученым и привлекательным мужчиной. Школьники и студенты учились по написанным им учебникам, статьи под его авторством активно цитировались. Валерий нравился начальству, студентки млели на занятиях, а женщины-коллеги томно вздыхали, когда он заходил на кафедру. Валерий, в отличие от радикального Репова, шедшего напролом, всегда выбирал путь дипломатии и интриг. Однако главная интрига его и погубила. Когда он был совсем юным аспирантом, Любовь Витальевна уже заведовала кафедрой. Будучи тогда нестарой женщиной, как говорят, в самом соку, она проявила к нему особое внимание, которое быстро переросло в страсть и продолжавшуюся годами любовную связь. Эта связь была приятна и полезна обоим, до тех пор, пока, как обычно происходит в таких отношениях, один не решил их закончить, а другой как раз напротив, увлекся слишком сильно. Валерий был тем, кто решил выйти из служебного адюльтера. Любовь Витальевна ему дала, как казалось, все, что можно – и должность, и диссертацию, и хорошие позиции в глазах руководства. К тому же он уже полгода встречался с девушкой, с которой планировал строить совместное будущее. Но Любовь Витальевна, Любонька – так он ласково называл ее во время их тайных встреч, оказалась жестокой собственницей. Разрыв она перенесла тяжело, воспринимая решение Валерия как вероломное предательство. И, как любая властная женщина, начала мстить и мстить жестоко. Были и легкие «покусывания» в виде доносов студентов и выговоров за опоздания, были и более серьезные удары – жалобы в Высшую аттестационную комиссию и разбирательства с плагиатом, ведь существенную часть диссертации Валерия составлял именно он. Все бы еще тогда кончилось

плачевно – он лишился бы и степени, и звания, но тут вмешался декан Сиволапов. Валерий сам слышал через стенку в кабинете, как тот отчитывал Орлову, называя ее действия бабскими играми, позорящими факультет. С тех пор Орлова и Ухов сохраняли внешний нейтралитет. И все вроде бы шло своим чередом – и учебники, и занятия, и конференции... Не знал тогда Валерий, что Орлова никогда ничего не прощала, и самый страшный, самый смертоносный удар припасла напоследок.

Когда пошел третий год войны, горожане стали больше бояться мобилизации, чем дронов и ракет. Валерия же этот вопрос совсем не занимал – хоть университетские работники к тому времени призывались на фронт наравне со всеми, предприятия по-прежнему сами составляли списки тех сотрудников, на которых распространялась бронь. Декан не раз твердил Валерию о его ценности для факультета, и даже неоднократно называл своим преемником перед вышестоящим руководством. Тем роковым вечером Валерий шел вниз по проспекту, раздумывая, направиться ли ему сразу домой или зайти в магазин за пирожными для прихворавшей матери. Даже когда внезапно дорогу ему перегородили ткашники⁶, он не обеспокоился. Но в военкомате, куда его привезли, выяснилось, что в списке от университета Валерия нет, к ночи обеспокоенная мать привезла ему вещи, а следующим утром он оказался в местах дислокации – фронт был слишком близко к городу.

Все случилось в первый же день. Валерий до сих пор в ночных кошмарах слышал этот звук – оглушительный свист, сменяемый грохотом, а потом звенящая тишина. Все превратилось в сцены из немного кино – перекошенные лица, обломки, тела... Валерий заметил в метре от него окровавленную ногу в ботинках, из которых выглядывал носок с надписью: «одна нога здесь», такие же ему подарили коллеги на какой-то праздник. Он успел подумать о том, какой же дурак тот весельчак, что надел такие носки в смертельный бой, как второй взрыв осыпал его осколками. Нужно было бежать в укрытие. Валерий помнил, как яростно пытался встать, пока страшная догадка не ослепила его: ног не было, они заканчивались чуть выше колена рваными кровоточащими ранами. С осознанием пришла сначала боль, а потом благословенная темнота.

Ранение заняло всю последующую жизнь Ухова. Госпитали, операции, перевязки – все это в тот момент имело первоочередную важность. Выплат по ранению хватило только на первое время, да их толком то и не было... Сестра взяла кредит, ведь матери по возрасту в банке отказали. Спустя несколько месяцев государство выдало протезы – страшные, неудобные, будто орудие пытки. Они натирали при любой попытке встать на них, и после лечения первого свища Валерий использовал их только с костылями для передвижения по дому. Мать с сестрой всегда были рядом – они хлопотали над ним, будто курицы над цыпленком, но от этого было только хуже. Валерию вспомнилось, как однажды сестра влетела в квартиру с радостным криком: «Сюрприз! Валерик, у меня для тебя есть подарок!». Она втащила старое отцовское инвалидное кресло, которое нашлось в гараже, и дурочка-мать заплакала от счастья. Она молола, что будет возить сыночка в парк, что он теперь будет дышать свежим воздухом и прочую чепуху. Валерий был вне себя от ярости. Вот это - подарок?! Сюрприз?! Тогда он, крича, швырнул в сестру костыль и оттолкнул старую мать так, что та, не удержавшись на ногах, стукнулась об стену и упала на пол. Как и сегодня, мать тогда выбежала во двор и долго сидела на скамейке, а выскочившая из квартиры на крик соседка так же утешала ее.

По откосу вдоль окна ползла муха. «Дурной знак» – подумал Валерий. Он с брезгливостью наблюдал, как насекомое деловито остановилось, потирая лапки. Шлепнуть ее - всего-то и делов... Когда-то, почти сразу после возвращения домой из госпиталя, Валерий в попытке выместить распиравший его гнев ударил по точно такой же мухе тапком, но промахнувшись отбил ей всю нижнюю половину. Муха, до этого с любопытством изучавшая поверхность стены, забилась и попыталась взлететь, спасая свою жизнь. Однако раненая, расплюснутая часть

---

⁶ Дать пояснение

намертво прилипла, и Валерий с ужасом наблюдал за конвульсивными попытками мухи улететь. Мать тогда добила насекомое и убрала гнусные остатки со стены, но темное пятно над кроватью не смывалось и не стиралось, напоминая Валерию о его собственном горе...

Ухов все же вернулся к преподаванию. Спустя полгода ему позвонил декан и пригласил вести занятия дистанционно, а если возможно – то даже и очно. Лично в университет Валерий приезжал два раза: первый раз – подать документы, а второй – на защиту магистерских дипломов. Тогда он вылил председательствующей в комиссии Орловой на голову содержимое стоящего на столе графина, а сам графин разбил в ярости о стол. Угрожая бывшей пассии осколком стекла, он пообещал, что свое она очень скоро получит. Его увели, скандал замяли, и дали вести только дистанционные занятия. Но мысли о мести Валерий не оставлял.

Внезапно на горизонте появился знакомый силуэт. «Зойка!» – обрадовался Валерий. Зоя была как лучик света – добродушная и коммуникабельная, она могла найти ниточку к любому. В прежние времена Валерий знал, что нравится Зое, и даже симпатизировал ей, но патриархально считал, что с дважды разведенной женщиной может быть только в дружеских отношениях. По иронии судьбы из прошлой жизни осталась только Зоя.

Сейчас она знакомой походкой семеня к их дому. В руках у нее был атбэшный⁷⁷ пакет, в котором угадывались очертания торта. Сладкое Валерий не любил, Зоя это знала, и торт скорее предназначался матери. А значит, сегодня вечером, когда станет совсем темно, кухня наполнится разговорами и теплом, и будет не так пронзительно тоскливо и больно.

Вот Зоя поравнялась с женщинами. Она видимо, поздоровалась, и они торопливо встали, вытирая слезы. Что-то оживленно обсуждая, все трое направились к подъезду.

Инвалидное кресло тогда конечно же не выбросили. Мать из всех сил постаралась расставить все в квартире так, чтобы Валерий мог передвигаться, не вставая с него. Она даже заплатила строителям, чтобы те расширили дверные проемы в их убогой хрущевке. Валерий сменил домашнюю линялую майку на выходную футболку и выкатился встречать гостей.

Зоя с матерью уже хлопотали на кухне.

- Валера, как ты? – вместо приветствия Зоя чмокнула его в щеку.

- Да как видишь, пока еще не убежал никуда! – ерничая, попытался пошутить Валерий.

- Да ну тебя, дурачок! – кокетливо смутилась Зоя. Она уже успела выставить на стол нехитрое угощение и намазывала масло толстым слоем на хлеб. – Сейчас будем пить чай с бутербродами. А я с новостями – нарочитая радость на лице женщины сменилась тревогой. – Любовь Витальевна вчера умерла. Инфаркт. Все произошло так быстро...

Мать Валерия ойкнула и закрыла рот руками – она никогда не винила Орлову в произошедшем, искренне веря, что сын попал на фронт по ошибке.

Валерий же застыл. Им овладело какое-то странное разочарование.

- Как... быстро? – шипя, спросил он. И тут же перешел на крик, постоянно повторяя – Почему быстро?! Почему быстро?! Почему быстро?!

Женщины, не сговариваясь, кинулись к иступлено вопящему Валерию. Мать обнимала его и гладила по голове, Зоя что-то говорила, забалтывая. Наконец он совладал с собой. Оттолкнув мать, подъехал к столу. Переглядываясь, женщины осторожно сели. Зоя разлила чай.

- И кто теперь вместо нее? – хмуро спросил Валерий.

- Да не понятно, Сиволапов поехал сегодня к ректору совещаться. Про тебя говорил – соврала за чем-то Зоя. – Какая-то делегация едет, будут раскопки проводить, Репову поручили.

- Опять будет про древние казацкие города рассказывать? – разговор потек в светской манере. Но когда мать, сославшись на давление, ушла в свою комнату, тон изменился.

- Они смотрели что-то в ее кабинете? Нашли что-нибудь? – тревожно спросил Валерий.

---

⁷ Сеть локальных супермаркетов

- Нет, решили, что смерть естественная, и все оставили как есть. Но я не успела зайти, много народу было вокруг. Сегодня вернусь вечером и поищу.

Они замолчали. За окном уже горели фонари. Холодный мартовский вечер постепенно окутывал городские окраины. Из форточки дуло ледяным холодом, и Зоя встала, чтобы закрыть ее.

- Кстати, - обернулась она. – Ведьма вернулась в город. Околачивается сегодня в галерее, в новостях написали.

- Она?! – Валерий побледнел. От накатившей ярости он сжал ручки кресла так, что костяшки пальцев побелели. Больше Орловой на всем белом свете он ненавидел только одного человека. Ту, что принесла так много бед им всем.

Зоя с тревогой посмотрела на старого товарища.

- Мне сегодня снился сон какой-то странный. Словно я путаюсь в какой-то паутине и все не могу выбраться. Весь день думаю о нем. Что-то плохое начинается.

- Зойка! – резко прервал ее Валерий. – Вечно ты со своими предсказаниями и предчувствиями! Чушь все это. Езжай лучше обратно в корпус, пока ведьма дает в галерее интервью.

Зоя, обидевшись, засобиралась. Валерий всегда был грубоват, подражая одновременно Нагиеву и Брюсу Уиллису. Но ранение сделало его невыносимым.

Уже на улице Зоя наконец вдохнула воздух полной грудью, приходя в себя после скорбной обстановки квартиры инвалида. Несмотря на темень, было совсем не поздно, поэтому Зоя решила не откладывать поход в университет на завтра. Ей повезло сразу поймать маршрутку и добраться до центра города без пробок. На главной площади и расходящихся от нее в разные стороны улицах кипела и сверкала жизнь – яркие витрины, уличные музыканты, подсвеченные здания – все это отвлекало от горестных мыслей и мрачных предчувствий. Однако возле корпуса было темно - свет давал единственный фонарь, стоящий у самой дороги. И женщина снова вернулась к своим переживаниям.

Больше всего в жизни Зоя боялась смерти. Она поняла это одним зимним страшным вечером, когда у самого дома в темном переулке на нее напал грабитель. Зоя, занятая проживанием развода с первым мужем, не заметила, как бандит нагнал ее сзади и попытался выхватить сумку. Из ценностей в ней были только ключи от дома, двадцать с копейками гривен и новенькая погребушка, только-только купленная в магазине детских товаров. Именно из-за нее Зоя намертво вцепилась в сумку и не отпустила ее даже тогда, когда, споткнувшись, упала, и нападавший потащил ее по рыхлой дороге прочь от родного светлого пятна на четвертом этаже, в котором, казалось, угадывался хрупкий детский силуэт. А потом грабитель остановился, и Зоя поняла, что самое ценное было не в сумке. Вроде бы он тогда ударил ее по лицу, не сильно и даже не очень больно, но из разбитой губы тут же пошла кровь, наполняя рот металлическим вкусом ужаса близкого конца. И только глядя вслед черной тени, постепенно исчезающей в мутной смеси мороси и городского дыма, задыхаясь от пережитого кошмара, Зоя осознала, что есть вещи страшнее смерти. Например, умереть и оставить ребенка, доченьку, одну в пустой квартире и в опустевшей без близких жизни...

Дочь уже выросла, и даже готовилась выйти замуж, но страх, иррациональный, глубинный, остался. Сейчас, поднимаясь по ступенькам высокого крыльца, Зоя снова ощущала его металлический привкус на губах. Торопливо войдя в здание, женщина немного успокоилась – в холле горел теплый свет, а в кабинке на входе суетливо возилась вахтерша, проклиная власть и маленькую зарплату. Из темной ниши смотрела с портрета покойная ныне Любовь Витальевна. Зоя поглядела на нее и горестно вздохнула. Потом развернулась и по привычке подошла к висящему на стене огромному старинному зеркалу – осмотреть себя и поправить прическу. Внезапно верхний свет мелькнул – перегорела одна из ламп на люстре. И в этот момент из мутной глубины зеркала на Зою вынырнуло что-то уродливое, страшное, оно приблизилось к тонкой границе зеркального мира и оскалилось, заглядывая прямо в душу. Животный ужас

охватил женщину, крича и размахивая руками она отступила и бросилась прочь. Кровь стучала в висках – Зое казалось, что-то скачками преследует ее. Она, задыхаясь, побежала туда, где слышала голоса людей, к свету, к вахтерше, но нога ее подвернулась и наступила тьма.

Глава 7. Пыль на осколках

Если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма?⁸

Анастасия Конопотская, или ведьма – именно ее так называли бывшие коллеги, лежала на диване в уютном номере отеля «Екатеринославский», расположенного на Проспекте, свернувшись калачиком и поджав колени к самому подбородку. От женщины, источавшей уверенность и мудрость в галерее, сейчас не осталось и следа. Лицо Конопотской, как и вся ее поза, выражало тревогу и страдание.

На столе стоял нетронутый завтрак. На красиво оформленной тарелке – яичница и причудливый бутерброд. Все это уже давно остыло и заветрелось – завтра утром горничная принесет новую порцию, и, укоризненно забирая тарелку, пожалеет пропавшие продукты. «Стоит, наверное, отказаться от питания» – Конопотская с усилием встала и даже начала набирать номер ресепшн. Но мысль о том, что тогда утренний кофе придется пить в одной из многочисленных городских кофеен, заставила сжаться желудок. Такой любимый и дорогой прежде город сейчас встретил ее враждебно. Конопотская не узнавала его: другие названия, новые здания, новый облик... Во время импровизированной экскурсии по центру, организованной Гастилло, город ощерился пустыми постаментами и зияющими окнами в тех домах, о которых она когда-то с упоением писала в многочисленных статьях и заметках. Глава города взяла на себя обязанность экскурсовода, что-то показывая и рассказывая, однако ни зычный голос Гастилло, ни увлеченные речи о развитии и движении вперед, ни внезапные вопросы и реплики не могли отвлечь Конопотскую от внутреннего монолога во время этой прогулки.

«Вот здесь был бюст Александру Сергеевичу. А, вот же по-прежнему сохранилась памятная табличка: «И долго буду тем любезен я народу, что чувства добрые я лирой пробуждал...». Ах, дорогой мой Александр Сергеевич, как же так? Где же теперь незарастающая народная тропа?». Конопотской вспомнилось, как часто она сама рассказывала гостям города о том, что поставили этот памятник горожане на собранные самостоятельно средства к столетнему юбилею поэта, и как в жестокие годы оккупации местные жители, рискуя жизнью, прятали его среди рухляди в трамвайном депо от гнева немецкого офицера, устроившего с ним дуэль и пораженного своей же, срикошетившей от бронзового бюста, пулей. «А тут сидел Горький, будто на горшке. А тут был Чкалов...». Больше всего было видеть пустующий постамент памятника Гоголю. С Николаем Васильевичем Конопотская чувствовала особенную творческую связь, и всегда равнялась на его произведения. Читая холодной московской зимой «Тараса Бульбу», она слишком живо представляла себе и зеленое море степи, и буйный Днепр, и бесконечный праздник жизни запорожских казаков. Именно Гоголь вдохновил Конопотскую и на изучение казачьих легенд, и на дальнейшее творчество.

Зияющая пустота была на месте памятника Юхиму Пушкину. Знаменитый танк Т-34 убрали еще в самом начале войны. А дальше по проспекту когда-то стоял Михаил Васильевич Ломоносов – символ науки и просвещения. Его тоже свергли с постамента, как и стоявший здесь же до него памятник Екатерине Великой – «Медную бабушку»...

Воспоминания, такие яркие и свежие, встречаясь с серой реальностью, разбивались вдребезги. Город был до отчаяния чужим. Конопотская горько жалела, что вернулась сюда, пусть даже на короткий срок.

На стене слабо мелькали огоньки гирлянды. Конопотская смотрела на их успокаивающий теплый свет и вспоминала свою искусственную елку в квартире в двух шагах от автозавода.

⁸ Библия, Евангелие от Матфея, глава 6, стих 23

Тогда, в самом начале января она получила тираж своей первой в жизни книги. Результат ее трудов лежал в небольших, но увесистых пачках, сложенных ровными стопками в коридоре. Вскорости предстояла презентация книги в городской публичной библиотеке, и это вдохновляло и одновременно пугало. В голове вертелись идеи и диалоги, все поверхности в квартире были завалены заметками и набросками. Интерес к изданию оказался невероятным: новости о презентации опубликовали все городские паблики, почта пестрела письмами от горожан, репортеров, библиотек... По меркам города с такой скучной культурной жизнью и узким краеведческим сообществом это был успех. Но тогда Конотопская так не считала – она до дрожи в коленях боялась внимания. Она прекрасно знала, что книга была сырой – ей не хватало экспертных мнений и минимальной редакторской вычитки. Но каждый коллега, к которому Конотопская обращалась за помощью и советом, отмахивался – мол, чушь какая – легенды, фольклор, все бабкины сказки, для историка это несерьезно. На редактора и вовсе денег не было. Еще одной причиной ошибок и опечаток была спешка. Конотопская до одури боялась, что ее опередят – ведь такая классная тема – запорожские легенды - здесь в городе была в новинку, поэтому ее работа и была так одобрительно встречена городским сообществом. Работала Конотопская в тайне, ни с кем особо не делилась планами, а обращаясь к коллегам за советами, всегда говорила, что пишет статью или руководит дипломом студента. И вот книга была готова и напечатана, пока малым тиражом в частной типографии на собственные сбережения... Когда страх и волнение достигали пика, Конотопская ложилась на диван, подтягивая колени к подбородку и смотрела на золотые огоньки гирлянды, обвившей дешевую искусственную елку, погружаясь в какое-то странное медиативное состояние, в котором все становилось далеким и безразличным...

Конотопская, тогда еще носившая совершенно другую фамилию, и до презентации книги, и после нее кропотливо составляла перечень опечаток, по ходу внося правки и в электронный драфт работы – в ближайшее время она собиралась обязательно вычитать и выверить все, чтобы обратиться в солидное городское, или даже столичное издательство для переиздания. Но это ближайшее время так и не наступило. Сначала была история с прокурорскими машинами на проспекте, потом - очередная революция, поделившая общество на два враждующих лагеря, а потом... Потом все, прежде дорогое и значимое, потеряло смысл.

Она уехала из города и из страны, поменяла фамилию. Если куда-то уезжать навсегда, то почему бы и не в лучший город земли? Москва всегда манила Конотопскую. Больше всего она мечтала увидеть Красную площадь и хотя бы раз услышать этот звук новогоднего детства - бой Курантов...

Конотопская когда-то, задолго до отъезда, читала роман об интеллигенции в эмиграции, назывался он «Без корней». Еще тогда он поразил ее, но понимание всей его трагичности пришло здесь, в изгнании. Без корней – так всегда внутренне описывала свое состояние Конотопская. Ее будто цветок, вырвали из жирного чернозема и воткнули в пустой песчаный грунт, и все в ней утратило прежнюю живость и силу. Дышащие историей дома и улицы были неинтересны, Красная площадь стала обыденностью, многочисленных экскурсоводов Конотопская сейчас обходила стороной. Все, что было интересно в родном городе, все, что рождало творческий поиск - и изучение локальной истории, и мелкие архитектурные детали, и городские прогулки – здесь теряло смысл.

Конотопская начала свою жизнь в Москве с переводов – ей повезло знать несколько языков, а потому заказов было много. Еще в дома в качестве хобби она написала несколько детективных рассказов про охрану исторических памятников. Они были наивными и абсолютно беззубыми – убить даже на бумаге ей было непросто, поэтому преступления в них совершались исключительно против зданий и монументов. В Москве она как-то поделилась этим со знакомым редактором, а тот заинтересовавшись, предложил написать что-то подобное, но так, чтобы действие происходило в российских городах. И Конотопская взялась за перо. Сначала это была

инициативная деятельность, потом туристские администрации стали приглашать ее к себе в города и оплачивать работу, ведь в своих рассказах Конотопская знакомила читателей с достопримечательностями, а те, в свою очередь, вдохновившись, хотели их увидеть воочию. И вот уже на туристических сайтах и агрегаторах возле подобных памятников появлялась приписка: «описанный известным автором детективных рассказов Конотопской». Так Конотопская стала писательницей: сама себе не веря, она давала автограф-сессии, учила студентов сторителлингу, входила в разнообразные рабочие группы и комиссии по культуре, туризму и литературному жанру, получала премии и награды. Но никогда и нигде она не больше чувствовала себя дома. Квартира возле автозавода, городские холмы, величественный Днепр, промышленный силуэт города и бескрайние поля пригородов – все это осталось в прошлом и приходило лишь во снах. Когда началась война, Конотопская порывалась поехать домой, но мысль о том, на что способна слепая ненависть к России и к тем, кто в ней жил последние годы, вселяла ужас, который вместе со страхом потерять еще одну родину удерживал ее от этого решения.

А потом война закончилась, и на волне мирного процесса редактор вдруг вспомнил про украинские заметки. Если сначала их сюжет он называл «неполиткорректным» и «опасным», то сейчас риторика изменилась, и рассказы стали «конъюнктурно целесообразными». Заметок набралось на небольшой сборник, но с рисунками и графикой получилась полноценная книга. Именно с ней Конотопская и приехала сюда, в родной город.

Она надеялась, что эта поездка окажется «путешествием домой», но с каждым шагом, с каждым вдохом здесь в городе убеждалась в обратном.

Конотопская встала и налила из термоса в чашку любимый травяной чай. Сегодня был трудный день. Утро началось в галерее, куда после вчерашней экскурсии, потащила ее Гастилло. Первое, что бросилось Конотопской в глаза – раненое здание исторического музея, к которому буквально прилепили быстровозводимую конструкцию галереи. Она так и озвучила опекавшей ее главе города – «раненное здание». Гастилло делано взмахнула руками и наигранно восхитилась сравнением. В галерее Конотопской понравилось – здесь все было современное, неоднозначное, сложное – ни тени сходства с провинциальными культурными пространствами, характерными для города раньше. Но глава города, неотлучно следовавшая за Конотопской по пятам, напоминала бдительного охранника в магазине и откровенно раздражала. Как будто сошедшая со страниц гоголевских комедий, Татьяна Владимировна Гастилло олицетворяла все чиновничьи пороки – глупость, подбострастие, жадность, черствость. Тучная, невысокая, но при этом в дорогом костюме и на тонких каблуках, Гастилло сверкала украшениями как новогодняя елка. Ее не трогали душераздирающие фотографии и ужасы войны, показанные на них, это было видно по тому, как деловито она «уходила» в телефон или раздавала указания.

«Среди сотен улик – этот детский ботинок с заплатой...» - не удержавшись, процитировала Конотопская у одной из фотографий стих Михалкова и тут же тревожно осеклась. «Браво, браво! – тут же взвизгнула Гастилло, и потом подбострастно уточнила – Ваше творчество?». И не дожидаясь ответа, тут же отвлеклась.

Мигание огоньков гирлянды перекрыли сине-красные сполохи. Конотопская выглянула в окно. Какая ирония, что редакция поселила ее в отеле прямо напротив корпуса университета, где она работала в прошлой жизни. Конотопская помнила руины на этом месте, и как она глядела на них, пока студенты делали скучные доклады. Теперь же на месте развалин стоит уютный отель, а она снова смотрит на руины – руины прошлой жизни. Вчера и сегодня у корпуса стояла скорая. «Вроде время защит дипломов летом...» – подумала Конотопская. И здесь не было ни капли шуток - в ее прошлой жизни по вине заведующей кафедрой скорые на защиты приезжали часто. «Интересно, как они там?» - вдруг подумала Конотопская, и какое-то темное чувство змеей шевельнулось у нее внутри. Не давая выйти ему наружу, она зажмурилась и сжала кулаки так, что острые ногти вонзились в ладони.

...А там – в корпусе царила суматоха. Врач и прибежавший на крик Дмитрий аккуратно укладывали Зою на носилки: она упала на лестнице и потеряла сознание. Вахтер, сразу вызвавшая скорую, суетливо бегала по холлу. «Шо ж цэ такэ коиться, шо ж коиться!» - горестно, по-старчески всхлипывая, приговаривала она. Пришедший из соседнего здания прокуратуры охранник постоянно кому-то звонил по телефону. А приехавший полчасом ранее Антон внимательно осматривал лестницу на предмет возможных «орудий преступлений» - так обозначил ему задачу Дмитрий. Что произошло с Зоей не знал никто. Вахтер божилась, что ничего не видела и не слышала, вплоть до того момента, пока не прозвучал тот страшный крик. А потом она увидела на полу у лестницы Зою и сразу вызвала скорую. К тому моменту подоспели Дмитрий с Антоном. Все сходились во мнении, что женщина оступилась и упала. Все, кроме Дмитрия. Тот не принимал версию несчастного случая и с ожесточением доказывал, что есть некая связь между двумя трагическими происшествиями.

Он все надеялся, что Антон вот-вот что-нибудь найдет: какую-нибудь подсказку или улику. Например, как у Булгакова: «Аннушка, наша Аннушка! Это ее работа! Взяла она в бакалее подсолнечного масла, да литровку-то о вертушку и разбей!». Или Зоя очнется, хоть на минуту, и прошепчет, что ее толкнула... ну, ведьма, например, о которой сегодня все говорили. Ведь на то она и ведьма, чтобы стоять на расстоянии и творить всякие гадости. Но лестница была чиста, а Зоя по-прежнему была без сознания.

- Молодые люди, берите аккуратно, вы здесь, а вы – вот здесь – выпрямившись, командовал фельдшер, – нужно аккуратно донести ее до машины. Особенно будем внимательны на крыльце, там крутой подъем.

Вахтер встрепенулась и, ковыляя, поспешила скорее открывать входную дверь. Та состояла из двух массивных дубовых створок, из которых обычно была открыта только одна. Вторая же была закрыта вплоть до вчерашнего вечера, когда выносили Орлову. Вахтер, кряхтя, подняла щеколду и налегла на дубовую дверь. В тишине раздался противнейший скрип – под натиском вторая створка открылась. Мужчины подняли носилки и в тяжелом молчании направились к карете скорой помощи. Дмитрий шел и думал: «Этот ужасный звук – скрип в тишине – возможно, станет метафорой трагедий, происходящих в корпусе. Каждый раз, когда что-то случается такое... всегда открывается вторая створка. Как когда-то в далеком детстве в деревне, где из двух створок входной двери всегда была открыта только одна, даже если ходить или пронести вещи было неудобно. Но когда кто-то тяжело болел или умирал, и его выносили из дома, на носилках ли, или в гробу, то всегда открывали вторую створку. Эта картина – двери нараспашку - всегда олицетворяла горе. А теперь еще и этот звук».

Наконец, огни скорой помощи влились в поток машин на проспекте и исчезли из виду. Дмитрий с Антоном поплелись в корпус. Вахтер возилась с дверью, которая никак не хотела закрываться. А охранник же все также безучастно смотрел на происходящее, разговаривая с кем-то по телефону – ему не платили за то, чтобы переносить раненых женщин и открывать тяжелые двери.

— Это не может быть просто совпадением – поднимаясь по центральной лестнице, наконец нарушил молчание Дмитрий. Антон с сомнением пожал плечами. Когда Дмитрий позвонил ему и возбужденно сообщил, что нашел нечто важное в кабинете Орловой, он сорвался с работы и приехал не потому, что верил в криминальную версию друга. Его очень насторожило нахождение Дмитрия в кабинете заведующей, и копание в чужих вещах. Антон приехал, чтобы уберечь друга от возможных необдуманных поступков и неприятностей.

Миновав центральную лестницу, друзья свернули на второй этаж. После освещенного холла пустой коридор казался особенно темным. Слабый свет уличных фонарей, просачиваясь сквозь полукруглые проемы окон, падал на пол, создавая причудливые узоры. Дмитрий в изумлении остановился. И старинная центральная лестница, и высокие потолки, и монументальные двери аудиторий с витыми ручками, и этот сумрачный коридор, пронизанный призрачными

отблесками Проспекта – все это создавало ощущение нереальности и какой-то потусторонней эстетики. В ежедневной суете здание было другим – повседневным, уставшим и потрепанным. Но сейчас, когда в силу вступали законы ночи, все становилось иным. Краски жизни тускнели, современные детали тонули в полумраке темных коридоров, и в воцаряющейся тишине здание приобретало царственный вид. Будто где-то здесь, как в старинном замке Трансильвании, спит, ожидая своего ночного пробуждения, кровожадное чудовище.

- Что случилось? – прервал размышления Дмитрия Антон. И коридор снова стал темным пространством, отделявшим один ряд аудиторий от другого. Дмитрий покачал головой – он и сам не смог бы передать словами этого внезапного ощущения, охватившего его пару секунд назад.

- Идем, а то скоро вахтер будет закрывать здание. Пока нас не выгнали вон, нужно многое успеть. – сказал Дмитрий и, посмотрев на часы, решительно двинулся вперед к ведущей на третий этаж лестнице. Его не оставляло чувство, что из глубины коридора доносится приглушенный звук шагов – будто кто-то крадется вслед за ними. Дмитрий даже несколько раз оглянулся, но никого не увидел – видимо сознание играло с ним злую шутку.

На третьем этаже главным источником освещения была кафедра – яркий свет из ее распахнутых настежь дверей заливал половину коридора.

- Зря, конечно, мы оставили все нараспашку, – заметил Антон. Обычно он старался наперед думать о последствиях, но, когда тишину здания распорол пронзительный крик, им овладел какой-то иррациональный морок, затуманивший инстинкты и мышление. Сейчас обычно здравомыслящий Антон сам себе удивлялся: как же можно было бросить раскрытый кабинет и кафедру и сорваться куда-то в другой конец здания?

Но на кафедре никого не было. В кабинете заведующей все выглядело в точности так, как они оставили: на столе в спящем режиме тихо шумел старенький ноутбук, книга была раскрыта на том же месте. Только сумка лежала на полу, но они и сами могли ее уронить, в панике выбегая из кабинета.

- Ну что ж, вернемся к нашему вопросу – деловито пробормотал Дмитрий. На самом деле он не знал, что и где искать. В квеструмах, которые он очень любил, не было так много разных предметов и вещей – только минимальный набор для создания антуража и подсказки. А здесь же с первых минут он утонул в книгах, отчетах, записках и напоминалках... Что может пролить свет на смерть Орловой?

Антон взялся поднимать сумку с пола и из бокового кармана со звоном выпали ключи, а за ними блистеры, тюбик помады и баночка с таблетками, которая со звоном укатилась под стол. Антон поднял блистеры и рассматривая названия, сказал:

- А вот тебе еще одно доказательство того, что у нее было больное сердце.

Дмитрий, пыхтя, полез доставать баночку, а потому ничего не ответил. Он и сам уже склонился к мысли о том, что погорячился с выводами. Круглый стеклянный пузырек все никак не давался в руки. Под столом было так пыльно, что Дмитрий несколько раз чихнул. Наконец, баночка была поймана, и уже выползая из-под стола, он снова чихнул, пребольно ударившись затылком о крышку стола. Ойкнув, Дмитрий инстинктивно схватился за ушибленное место, и понял, что его рука коснулась чего-то необычного.

- Там что-то есть! – отряхиваясь, сообщил он другу. И они вдвоем, изловчившись, заглянули под стол. Там, как в кино, скотчем с обратной стороны крышки был приклеен конверт. Дмитрий протянул руку, чтобы сорвать его и рассмотреть поближе, но Антон остановил его.

- Подожди. Надо сначала сфотографировать. А теперь смотри внимательно - При свете фонарика телефона отчётливо было видно, как много пыли на внутренней поверхности стола. Место же вокруг конверта было чистым, будто его только что протерли.

- А вон там ты ударился головой, хоть отпечатки снимай. – Действительно, на том месте был отчетливо виден полукруглый, слегка размазанный след. Дмитрий брезгливо выпрямился и начал стряхивать возможную пыль с головы. Антон тоже выпрямился:

- Очевидно, что пыль вытерли, когда крепили конверт. Но чистота твоего отпечатка и места вокруг конверта одинаковая, по крайней мере визуально. А это значит, что конверт могли прикрепить недавно. Если это сделала Орлова, то только накануне своей смерти. Видимо, было что прятать.

Еще одним доказательством того, что конверт провисел под столом недолго, стало качество скотча. От с легкостью отклеился от крышки.

- Если бы не мы, к утру, наверное, отвалился бы – прокомментировал Антон.

В конверте оказалась пачка долларов и карта какого-то здания. По характеру обозначений, бумаге и ятям в конце слов Дмитрий предположил, что она достаточно старая и относилась как минимум к началу XX века. Внимательно присмотревшись, он заметил крестики и кружочки, варварски нанесенные грифельным карандашом на историческую карту. В конверте также обнаружилась записка: «Это нужно вынести и продать».

— Вот тебе на! – воодушевился Дмитрий. – Вот и мотив, вот и дело. Похоже, на торговлю артефактами! Может быть, ее убрала мафия? Или подельники? Или...

- Или ей подбросили это и подбросили недавно. А ты в это влез! – Антон снова думал о последствиях. – Сфотографируй карту и попробуй понять, что это за здание. Наверняка оно находится в нашем городе. А конверт нужно приклеить обратно, да так, чтобы он не отклеился.

Пока Дмитрий фотографировал карту, Антон сгреб со стола таблетки и помаду и начал складывать их в боковой карман. Внезапно его пальцы нащупали что-то похожее на застёжку, Антон внимательно присмотрелся и увидел, что у кармана есть потайное отделение, в котором явственно прощупывалась флешка. Изловчившись, он достал ее, но не стал показывать Дмитрию, чтобы не подогревать в нем этот нездоровый интерес к расследованию – возможно, на флешке всего лишь чья-то диссертация или научная работа.

Внезапно со стороны коридора донеслись шаркающие шаги.

- Вахтер! – шепотом прошипел Дмитрий. Он быстро затолкал карту, деньги и записку в конверт, и наспех приклеил все на место. Антон же схватил со стола ежедневник, закрыл ноутбук и пристроил на стуле сумку. Друзья только вышли, закрыв кабинет на ключ, как на кафедру заглянула вахтер.

- Кто здесь? – тревожно спросила она.

- Ох, простите, задержались – с напускной веселостью прочирикал Дмитрий. – уже уходим! Я только выключу компьютер и сложу вещи на столе.

Вахтер, тяжело дыша после подъема по лестнице, присела на стул. Она ждала, пока молодые люди оденутся, чтобы все проверить, закрыть и поставить на сигнализацию. Предстояла очередная тяжелая, полная тревоги ночь в старом корпусе.

***

Опустившаяся на город ночь выдалась беспокойной. Ушел, принесенный с Арктики антициклон, и усыпанное звездами небо затянулось тяжелыми тучами. Со сменой погоды разошелся буйный степной ветер – он гудел в проводах, гнул голые деревья, трепал плохо приклеенные плакаты на рекламных щитах. Под яркими красками афиш, обещавших театральные представления, интересные телепрограммы и музейные выставки, появлялись на миг и снова скрывались уцелевшие обрывки старых плакатов, с кораблем, ненавистью и проклятиями. Как во многих подобных городах это все никуда не делось: и возвращенная в годы войны злоба, подкрепляемая каждым прилетом, каждым выбитым окном, каждой минутой комендантских часов, и национальное эго, подпитанное переосмысленной историей, и полная горя память, сохраняющая каждую болезненную деталь личных потерь – весь этот сложный пласт, сфор-

мировавшись за короткий период, таился под напускной веселостью и живостью новой повседневности. Но подковырни засохшую корку на ране – и снова польется кровь.

В квартире Орловой было пусто. Когда-то здесь кипела жизнь: детский плач, смех и топот маленьких ножек сменился музыкой и разговорами, потом дети уехали, но в доме никогда не бывало пусто – приходили коллеги, аспиранты, ученики, текли размеренные беседы, шуршали листы научных работ, точились дискуссии. Потом пришла война и все стало постепенно стихать, а последние месяцы из квартиры Орловой доносился лишь приглушенный звук телевизора. Сейчас же наступила полная тишина: в темных комнатах все застыло, спертый воздух с каждой минутой все плотнее обволакивал предметы, цветы, фотографии... В соседней квартире вторую ночь заунывно выла собака. Соседка, встревоженная поведением питомца, не получив ответа в вайбере, набрала номер Орловой. Он зазвонил там, в старом корпусе, в закрытом кабинете, но никто его не слышал.

Тревожной выдалась ночь и для Валентины Васильевны. От Уховых только-только уехала скорая помощь – у сына соседки случился приступ, как всегда непредсказуемый и страшный. Врачи вкололи ему успокоительное, и убедившись, что оно подействовало, уехали. Мать Ухова, Татьяна, измотанная до предела, пила у соседки на кухне корвалол. Она думала о том, что все-таки однажды не успеет, и смерть заберет у нее ребенка. Валентина Васильевна сидела рядом и все понимала. Слишком близким ей было горе соседки. Старые раны болели в эту ночь особенно сильно.

В центральной городской больнице врачи тоже ожесточенно боролись со смертью – на кону была очередная жизнь – в эту ночь Зоина. Гематома в мозгу, спровоцированная ударом, росла, и, наверное, утром понадобится операция. В хорошо освещенной палате интенсивной терапии тревожно пикали приборы – они контролировали жизненные показатели. За стеклом сидела медсестра – в любой момент она была готова прийти на помощь. Но это здесь, а там, по ту сторону, Зоя была одна. Она брела в полумраке по бесконечному полю. В сумерках и не поймешь, маки ли это раскинулись там и сям, или это засохшая кровь. В небе сквозь тучи просвечивал тусклый диск луны. В этой призрачной реальности Зоя не испытывала ни страха, ни боли. Ее не занимал вопрос, что произошло и как она оказалась здесь, в этом темном пространстве. В ее голове звучала песня, она внимала ее словам и даже тихонько подпевала: «Ночь пройдет, наступит утро ясное, солнце взойдет...». А в это время в коридоре сидела заплаканная девушка – она отчаянно молилась, желая одного – того, что просят все, сидящие в больничных коридорах и у коек близких людей...

Дмитрий спал, забывшись тревожным сном. Во сне он плыл на лодке по Днепру, неумолимо приближаясь к порогам. Грозная опасность была неминуема, и хлипкое суденышко клевало носом в набегавшие волны...

Темно было и в закрытой галерее. В анфиладе залов было тихо и сумрачно, лишь слабо подсвечивались отдельные витрины, формируя на стенах причудливые рисунки. Внезапно по коридору проскользнула тень. В свете ближайшей витрины она обрела очертания. Высокий мужчина, тот самый, который был в галерее утром, не издавая ни единого звука, сосредоточено подошел к единственной важной для него фотографии – «Аврааму». Он долго с горечью смотрел на нее, на ребенка, а по его щекам текли слезы.

Глава 8. Более непригодный для истории

Кому многое дано, от того многое и потребуется⁹

Больше всего в жизни Яворницкий жалел о том, что у него нет наследника. Особенно горько становилось от этого сейчас, на закате жизни. С первой женой он развелся еще до переезда в Петербург и всегда считал, что это к лучшему, ведь начинать жизнь с нуля на новом месте без семьи куда проще. А с юной Серафимой он слишком долго и беспечно уверял себя, что все впереди. Так долго, что в итоге оказалось поздно. Чужих детей Яворницкий не любил. Он всегда сердился, когда кто-то из сотрудников музея приводил отпрыска в святая святых – в хранилища, или, что еще хуже – оставлял в залах музея, где любопытные детские пальчики без надзора могли потрогать бесценные находки. Однажды, пятилетний сын Пионтковского – молодого и, по мнению самого Яворницкого, талантливого ученого, уронил казацкую саблю. Она висела на стене, и мальчуган, пытаясь рассмотреть ее получше, слишком сильно притянул оружие к себе. Истершийся в боях и походах ремень на ножнах лопнул, и сабля с оглушительным звон упала на каменный пол. Когда Яворницкий подошел к мальчику, смотритель зала уже распекал его за такую неосторожность. До ушей Дмитрия Ивановича долетели обрывки фразы: «Вон идет казацкий батько, уж он тебе задаст!». Мальчуган стоял ни жив ни мертв. Казалось, он превратился в мраморную статую, таким белым было его лицо, и только в живых детских глазах плескался бесконечный ужас...

«Да что же я за зверь такой, – с горечью подумал историк, – раз побрякушки и железки мне дороже человеческой жизни!». Он поднял саблю с пола и осмотрел ремень:

- От зараза, стерся. Нужно починить. – и по-отчески потрепав мальчишку по голове, сказал – Ничего, сынку, не бойся. Это только вещь. Вырастешь, станешь славным казаком, подарю тебе.

Но мальчик не вырос. Бушевавший в городе брюшной тиф спустя пару лет унес много жизней, не миновав и семью Пионтковского. Тот вместе с Яворницким был в экспедиции, а потому не заболел. После трагедии Пионтковский сильно сдал, Дмитрий Иванович изо дня в день наблюдал его угасание: подающий ранее большие надежды, молодой ученый на глазах постарел и утратил всякий интерес к жизни. Каждый раз, приходя в музей, он подходил к той самой злополучной сабле, а потом к Мамаю. Почерневший, сгорбленный он смотрел на картину и из глаз его катились слезы. Яворницкий все понимал без слов. Эта трагедия глубоко тронула его. Дмитрий Иванович подолгу размышлял о том, что возможно отсутствие наследника стало для него благом. Будь у него сын, он мог уже погибнуть в Русско-Японской войне, сгинуть на полях Первой мировой, стать красноармейцем или белогвардейцем и умереть в братоубийственной гражданской войне. Смог бы он выдержать такой удар? Глядя на Пионтковского, Дмитрий Иванович сомневался. Возможно, тогда и не было бы и музея, и «Вольностей запорожских казаков», и «Истории города Екатеринослава», и много другого, более важного...

Но отсутствие новой жизни в семье создавало иллюзию угасания. Яворницкий с горечью осознавал, что все вокруг него рушится, сжимается. Ему часто снилось, как он идет по залу казачьей старины – самому любимому своему детищу. И вдруг его гулкие шаги становятся становится все тише, все мельче, да и сам он делается маленьким-маленьким в своем музее, таким крошечным, что случайный гость, не заметив его, вот-вот наступит и расплющит как козявку на каменном полу... Иногда во сне чья-то рука поднимала его, как упавший артефакт,

---

⁹ Библия, Евангелие от Луки, глава 12, стих 48.

и ставила в ряд с игрушечными фигурками казаков на витрине. Тогда Яворницкий понимал, что стоять ему здесь до скончания веков, и с ужасом просыпался.

Сны эти порождались реальностью. С приходом новой власти в музее начались перестановки. Все больше ценилась молодость и покорность, важно было подписывать нужные бумаги и создавать новые труды с «настоящей» историей. Яворницкий не укладывался в поставленные властью рамки – он был упрям и принципиален. Сварливый характер историка с возрастом только усугубился, он стал раздражительным и ворчливым. Яворницкого выводила из себя глупость коллег и их стремление угодить вышестоящим лицам. Яворницкий часто вспоминал, как однажды в музей прибыла высокая делегация, возглавлял которую сам глава городского совета. «На траве дрова, а во главе глава» – едко назвал этот визит сам Дмитрий Иванович. Музей перед тем неделю мыли и драили, даже здание снаружи отчистили и немного подкрасили. С сотрудниками велись разъяснительные беседы о том, как себя вести с высокими гостями. Встречать делегацию было поручено лично директору музея – то есть Дмитрию Ивановичу. Тот нисколько не смутился, ведь ему уже приходилось встречать и более важных гостей. Так, например, посетивший однажды город и музей император Николай II, увидев Д.И. Яворницкого, сказал: «А я Вас с детства знаю», а когда вся делегация ахнула, в воцарившейся тишине пояснил, что в царских покоях имелась картина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану», на которой Репин изобразил Яворницкого в образе писаря. Вредный Яворницкий, тогда специально провел экскурсию царю на украинском языке, приправляя свою речь ядреными казацкими словечками. Император, конечно же, ни слова не понял, но интеллигентно делал вид, что ему очень интересно. А вот когда Дмитрий Иванович попытался повернуть тот же фокус с градоначальником, его грубо одернули. Яворницкий надулся, но приказу последовал и даже держался более или менее вежливо, вплоть до того момента, пока городской глава не взял по-хозяйски с витрины казацкую люльку¹⁰ и не начал ковырять ее пальцем, пытаясь понять, из чего она сделана. Яворницкий почувствовал, как из глубины души у него поднимается черная, слепая ярость, порожденная невежеством, чванством и надменностью пришедших властителей. Гнев обуял его настолько, что он не соображал и не помнил, что творил. Историк начал приходить в себя уже после того, как глава города, красный как рак, вылетел из музея и хлопнул в ярости дверью служебного автомобиля, а посеребрившие от ужаса коллеги стали разбредаться кто куда.

На следующий день Наркомпрос прислал короткую депешу: «Яворницкого уволить за буржуазный национализм». В первый миг эта формулировка вызвала у Яворницкого смесь разных чувств – и протест, и обиду, и чувство несправедливости и недооцененности. Но потом все это перекрыл животный ужас: «буржуазный национализм!». От этой фразы свело спазмом живот, а сердце заколотилось так, что историк на какой-то миг потерял способность дышать. Что-то подобное, но слабее по силе, он испытал, когда в скифском кургане рухнула стена, перегородившая выход на поверхность. Историк провел под завалом трое суток, но даже тогда, в кромешной тьме подземелья он не испытывал такого страха. В его жизни уже были такие обвинительные слова, но это было при прошлой власти, тогда казавшейся деспотичной. А сейчас они стали в ряд с такими страшными фразами как «вредительство», «контрреволюционная деятельность» и «шпионаж». За ними следовали допросы и пытки, а после – мучительные годы лагерей или расстрел. Слишком яркой и показательной была картина, которую Яворницкий наблюдал, будучи в гостях у дальней родственницы жены. Тогда уже под самый вечер к их подъезду подъехал черный воронок. Родственница Серафимы, комсомолка и атеистка, выключила свет и, достав из-под кровати небольшую икону Божьей Матери, начала шепотом неистово молиться. Из коридора доносились шаги, грубые и уверенные. И чем ближе они приближались к квартире, тем сильнее просили они все трое помощи у Богородицы. Наконец шаги остано-

¹⁰ Курительную трубку

вились, и в мучительной тишине грубый голос сказал: «Чертишо! Шо це за квартира? Шоста? А у нас какая?». И снова тишина. «Я питаю, у нас какая, там же написано?». В тот момент им всем троим было не важно какая квартира, лишь бы не их, не седьмая. И только потом Яворницкий понял, какую страшную моральную черту он тогда преступил, они все преступили. «Не – прозвучал другой голос, совсем молодой, мальчишеский, - не шоста, девьята!». И шаги, удаляясь стихли. Сидя в темноте, Яворницкий с женой и ее родственницей слышали, как хлопнула дверь на верхнем этаже, как истошно, отчаянно заголосила женщина... Таящиеся в казацких схронах чудовища, скифские монстры и даже черти – все это меркло перед тем, на что способен человек.

Глава 9. Цветы для живых и мертвых

И свет во тьме светит¹¹

Тяжелый сон достиг своего апогея: преследуемая татарами лодочка перевернулась, и, барахтаясь в воде, Дмитрий наконец проснулся. Окно было открыто настежь, и холодный мартовский дождь успел залить подоконник. «Значит, морозы отступают» - подумал Дмитрий. Зима в этом году выдалась на редкость холодной и бесснежной и успела надоесть, а весна, вопреки календарю, не спешила вступать в свои права. Дмитрий любил дождь, его мерное постукивание по стеклу успокаивало и настраивало на творческий лад. Поэтому сейчас он не спешил закрывать окно, и натянув одеяло под самый подбородок, устроился в кровати поудобнее. «Сегодня воскресенье» – не без удовольствия подумал Дмитрий. А раз выходной, то можно выспаться, потом неспешно прогуляться, зайти в кофейню и согреться за чашечкой кофе... Вроде, на днях намечалось открытие какой-то выставки...

И тут Дмитрий с сожалением осознал, что праздная прогулка на сегодня откладывается – впереди похороны Любови Витальевны. Он судорожно дотянулся до телефона и с облегчением вздохнул – только восемь часов утра, а прощание начнется в полдень. Но лежать в кровати расхотелось. Из окна нестерпимо дуло, и Дмитрий, нехотя выползая из-под одеяла, решил наконец его закрыть. Мелкие капли дождя, ударившись об раму, брызнули в лицо, и Дмитрий вспомнил о своем сне. Он что-то украл у татар, что-то важное, ради чего можно было броситься на сомнительной лодочке в бушующий Днепр и плыть через пороги... И там, во сне, снова был Яворницкий, и скифы, и чудовища... Но сон, как часто бывает после пробуждения, таял в сознании, и попытка вспомнить ту или иную деталь только усиливала это.

- Сокровище, чудовища... - заваривая крепкий чай, Дмитрий раздумывал о найденной карте. Он определённо не бывал в таком здании и поручиться, что ни одна знакомая ему историческая постройка в городе не имела такого замысловатого архитектурного плана. Что и зачем могло быть отмечено на этой карте?

Внезапно меланхоличный шум дождя прервал тревожный звук звонка мобильного телефона. Дмитрий посмотрел на экран и лицо его озарила невольная улыбка – звонила Юлечка. Скромная девушка была очень симпатична ему несмотря на разницу в возрасте. Юлия работала на кафедре дольше Дмитрия на несколько лет, де-факто она была помощницей Любови Витальевны, но помимо этого готовила программы и учебные планы, и иногда читала лекции. В перерыве между этой деятельностью она с разной степенью успешности писала диссертацию по истории древнерусского периода края, а потому с Дмитрием ее объединяли общие аспирантские проблемы.

- Димочка, здравствуй! – защebetала Юлия, было слышно, что она где-то едет. – Из ректората никого не будет, студенты в выходной день тоже вряд ли придут, и мы решили организовать прощание сразу на кладбище. Ты тоже сразу приезжай туда, к двум часам. Сейчас скину тебе координаты. Все, до встречи!

Все хлопоты, начиная с аренды автобуса, заканчивая организацией поминок легли на Юлю. Она писала письма или звонила и сообщала коллегам о смерти заведующей кафедрой, заказывала и оплачивала венки, и весь вчерашний день организовывала визит проректоров на «торжественную» часть – как назвал официальное прощание сам ректор. Он так и сказал: «На торжественную часть я не приеду, у меня совещание в администрации».

---

¹¹ Библия, Евангелие от Иоанна, глава 1, стих 5.

Дождь за окном усиливался. Дмитрий смотрел на покрытый туманом Днепр и думал о вечном. Что будет с его созданием, с его душой, когда придет срок? Будет ли его волновать, где и как его похоронят? Вот бы превратиться в птицу, и летать беспечно над этими мощными и неторопливыми степными реками, бесконечными полями и поселениями, полными жизни...

Чай на столе давно остыл - из уютного напитка он превратился в коричневатую жижу, которую грей не грей, все равно выльешь в раковину. Да и какой уют в пустой квартире? После разговора с Юлей и тяжелых раздумий о жизни Дмитрий осознал это особо остро.

... К обеду дождь, наконец, прекратился. На южной окраине города сквозь плотные тучи с трудом прорывалось солнце. Здесь со времен основания города располагалось маленькое приходское кладбище, которое в силу отдаленности не особо росло и в период стремительного индустриального развития города. А после строительства аэропорта в семидесятые годы кладбище и вовсе было закрыто, дабы расширение наземной инфраструктуры и ворот в загробный мир не мешали друг другу. Однако уже с начала АТО¹² кладбище приняло на себя первую волну погибших на Донбассе. Потом началась война, и кладбище прирастало в размерах, хотя на картах его по-прежнему не обозначали. В последние годы тут стали хоронить и обычных горожан. Именно здесь должна была упокоиться и Любовь Витальевна Орлова.

Дмитрий, долго ожидавший маршрутку, приехал с опозданием. Коллеги уже собрались у входа в небольшую церквушку, где должно было проходить отпевание – ждали священника. На отдалении стоял микроавтобус, зеркало которого было обвязано полотенцем. В прошлом и повозку, и покойника от дьявола и злых сил охранял не только ритуальный рушник, а в первую очередь безусловная вера людей. Сейчас же от веры осталась лишь традиция...

Наконец, из глубины кладбищенских аллей показался пожилой батюшка. Стараясь не запачкаться, он придерживал руками подрясник, из-под которого выглядывали худые ноги в джинсах и резиновых сапогах. Было видно, что священник торопился – он быстро семенил, стараясь не упасть, но то и дело поскользнулся и чертыхался, тут же поправляя себя: «Господи помилуй, спаси и сохрани».

Подойдя к церкви, батюшка остановился отдышаться. И в этот момент вышло солнце, такое яркое чистое, что все невольно зажмурились. Солнечный свет зажег крест на куполе и золоченных шпилях ограды, а церковные витражи заиграли сотней солнечных зайчиков.

- Мама, смотри, радуга – закричал радостно мальчуган, выходящий из ворот кладбища со сгорбленной женщиной. И она выпрямилась в этих лучах солнца, ее почерневшее лицо преобразилось, просветлело, скорбь, лежащая в складках преждевременных морщин, на миг растаяла:

- Действительно, радуга...

Все повернулись туда, куда показывал мальчик – там через все небо пролегла разноцветная полоса. Небо было по-весеннему ясным, голубым, и глядя на него совсем не хотелось оглядываться назад, на это пристанище горя и страданий. По другую же сторону горизонта залегли черные тучи. Как будто добро и зло сошлись в дуэли у некоего небесного рубежа, готовые к последней, решающей битве.

- И свет во тьме светит... - вздохнул священник, и, перекрестившись, приступил к отпеванию.

... По некому замыслу судьбы в этом месте собрались несколько связанных между собой людей. Высокий мужчина из галереи пересекал старую часть, где лежали родные и предки. Он шел, сжимая в руках две искусственные гвоздики, сосредоточено выискивая среди стройных рядов могил одну, самую важную. Его не тронул ни внезапный порыв весны, ни раскинувшаяся на небе радуга - краски жизни давно уже не занимали старого вояку.

---

¹² АТО (антитеррористическая операция) - официальное название, использовавшееся властями Украины для обозначения военных действий в Донецкой и Луганской областях в 2014–2018 годах

Валентина Васильевна сидела на скамейке у семейной могилы. Пришла весна и нужно было убрать мусор, накопившийся за зиму. С гранитного памятника на женщину строго смотрел муж. Он умер восемь лет назад, и с тех пор со всеми новостями и горестями она приходила к нему сюда, на могилу. Сын Валентины Васильевны числился пропавшим без вести. Женщина не оставляла попыток найти его, чтобы похоронить по-человечески. Она обращалась в разные фонды и организации, те принимали заявку и обещали-обещали-обещали...

Семейную могилу Валентина Васильевна в последнее время все больше рассматривала как вечное супружеское ложе: придет пора и она ляжет рядом с мужем, чтобы уже больше никогда не встать. От этой мысли становилось одновременно и страшно, и радостно, и тревожно: хватит ли ее старческой доли, чтобы найти сына? Чтобы он, как в детстве, забравшись в их с мужем кровать, прильнул к ней в порыве сыновей любви и обрел вместе с ней вечный покой... Она бы все отдала за это!

У ног Валентины Васильевны лежали инструменты – маленькая лопата, грабельки, несколько тряпок и баклажка воды. Нужно было собрать сухие высокие стебли и листья и вымыть памятник. Потом, ближе к Радонице она приедет и покрасит оградку. Пока женщина искала в себе силы для уборки, ее подруга и соседка Татьяна уже всю ее занимала. У той здесь был похоронен муж и родители, правда на разных участках. Раньше к Татьяне ежегодно приезжала сестра из Пензы, и они обязательно ехали сюда, навестить их всех. Но потом случился Майдан, и один телефонный разговор, который начался с привычных новостей, а закончился политической ссорой, навсегда прекратил эти визиты. Война усугубила раскол между сестрами. Правда, когда с Валерием случилось несчастье, сестра порывалась наладить отношения и даже пыталась перевести средства на лечение племянника. Но Татьяна с гордостью отказалась от, как она сказала, «кровавых денег и проклятой помощи» и общение с сестрой не возобновила. Валентина Васильевна не осуждала подругу – у каждого свой крест.

На ветке старой березы хрипло закаркала ворона. Женщина посмотрела на нее, а потом, порывшись в сумке, достала кусок хлеба и бросила его птице. Ворона с недоверием глядя на упавшее перед ней лакомство, опасливо приблизилась, и резко схватив его, улетела прочь. Валентина Васильевна равнодушно посмотрела ей вслед и наконец решилась встать. В этот момент из-за соседнего участка показалась Татьяна. Издалека было видно, что она взволнована.

- Валечка! – запыхавшись, запричитала она. – Валечка, я сейчас такое узнала! Такое! Валечка, это все она, она, проклятая! – и женщина обессилена села на скамейку, сдерживая слезы.

- Таня, что случилось?

- Валя, ты мне поможешь? Обещай, что ты мне поможешь? - Татьяна с надеждой смотрела на подругу. - Мне одной не справиться. Без тебя не справиться...

А в старой части задумчиво опершись об ограду семейного захоронения, стояла Конотопская. Она сбежала от назойливой Гастилло под предлогом важной встречи. Сейчас женщина с сожалением наблюдала разрушение, затронувшее старые могилы без должного ухода. Оградка покосилась, памятники потрескались и поросли травой и кустарником, которые без зелени создавали ощущение запущенности и упадка. Нужно будет приехать сюда еще раз, как только погода будет получше, и навести порядок. Когда вышло солнце, Конотопская невольно залюбовалась преображением природы. Воздух стал прозрачным и светлым, лучи солнца пронизывали густые кусты сирени, раскинувшиеся вдоль могил, падали на ограды и скамейки, создавая иллюзию тепла. На березах возбужденно галдели галки, радуясь внезапному солнцу. Прямо как на картине Саврасова «Грачи прилетели». Конотопская не случайно из всех весенних картин вспомнила именно ее – в детстве ее поразила мрачность ранней весны, изображенной на иллюстрации в учебнике. Она так и выразилась в сочинении, которое тогда писали всем классом: «Художник изобразил раннюю весну, снег сошел и обнажил голые ветки, облупив-

шиеся стены храма... чернота птиц подчеркивает мрачный посыл...». Учитель не согласился с таким мнением, и Конотопская искренне не понимала почему. Но, когда она увидела оригинал картины в Третьяковской галерее, то все стало на свои места. Картина была светлой, совсем не такой как в учебнике. Свет пронизывал каждую веточку, каждую деталь. Снег под солнечными лучами менял оттенки от синевато-белого до темно-серого, и, как тогда сказала экскурсовод, действительно ни в одном месте не был чисто белым. Размерено текла река, постепенно освобождаясь от ледяных оков, грачи на ветке недоуменно оглядывались – «правильно ли мы вернулись?». Все говорило о том, что зима с ее холодами и мертвенной сонливостью закончилась, пришла весна, пришла надежда. Жизнь продолжается – вот он посыл этой картины. Жизнь продолжается вопреки смертельным душевным ранам. Жизнь продолжается. И только покосившийся старый храм на втором плане напоминает истерзанную потерями и страданиями душу, вера которой поколеблена.

Как типичны для степной Украины эти перепады погоды весной – холодный ветер разгоняет мрачный покров туч и выглядывает солнце. Как много оно обещает земной твари... Как легкомысленны эти обещания – тучи смыкаются, и тяжелая серость накатывает вновь...

Конотопская прошла вдоль аллеи, с которой открывался вид на новую часть кладбища. Вдалеке с другого конца аллеи ей навстречу брела процессия – кого-то хоронили. Сопровождающие шли по грязи, придерживая руками головные уборы от налетающих порывов ветра. Конотопская была слишком далеко и не могла узнать в них бывших коллег. Да и они вряд ли обратили внимание на одинокую фигуру на аллее. Вот процессия свернула направо, и Конотопская потеряла ее из виду. В этот момент у нее в кармане завибрировал телефон. Звонил старый знакомый – Артем Кочетков, заместитель председателя этнографической комиссии Русского географического общества. Конотопской очень не хотелось в тот момент разговаривать, но и не отвечать было неудобно.

- Артем Геннадьевич, здравствуйте!

- Здравствуйте, дорогая Анастасия! Вы, наверное, слышали, что мы завершили экспедицию на Колыму? Не поверите, но там мы нашли сведения, которые в совокупности с имеющимися у нас уже материалами могут пролить свет на место гибели князя Святослава Игоревича... в общем, я при встрече все расскажу.

- При встрече? Я вернусь в Москву не ранее следующей недели.

- А я тоже не в Москве! Я тут услышал, что вы готовите презентацию книги в историческом музее, куда я, собственно, с коллегами и направляюсь. Мы как раз договариваемся об экспедиции к тому месту, где ранее был порог, как он назывался? Вольный, кажется? Мы думаем, что именно там он и погиб, и место гибели было хорошо известно запорожским казакам. Но я боюсь, что мы не слишком понимаем некоторого контекста с нашими украинскими коллегами. А я наемни узнал, что вы хорошо владеете украинским языком и, как мне кажется, могли бы нам помочь в коммуникации с ними.

Конотопская вздохнула. Как же не хочется возвращаться в прошлое! Она медлила с ответом, формулируя в голове вежливый отказ. Кочетков, похоже, это понял, а потому начал торопливо убеждать ее, упирая на благородные научные цели и ссылаясь на весомые политические и научные фигуры. Потом он путанно и туманно заговорил об оплате, и наконец прибег к последнему аргументу:

- Анастасия... Настя, я очень на вас рассчитываю! Ну поймите, без вас в этом деле никак! Без вас мы не справимся!

И Конотопская согласилась, о чем впоследствии неоднократно пожалела.

Кочетков заметно обрадовался – он что-то восторженно щебетал, назначал встречу и обильно благодарил. Закончив разговор, Конотопская удивилась, насколько вокруг стало тихо и пусто. Снова начал накрапывать дождь. Опасаясь, что он перейдет в ливень, Конотопская быстрым шагом направилась к выходу. Уже в самом конце аллеи она поскользнулась на скольз-

кой мерзлой земле, но высокий мужчина, которого она обошла парой секунд ранее, подхватил ее под руку, не давая упасть.

- Спасибо! – машинально сказала Конотопская, высвобождаясь из цепкой хватки незнакомца. Ей показалось, что где-то они уже встречались.

- Не за что – ответил тот. – Вы то мне как раз и нужны.

От его дальнейших слов у Конотопской все внутри сжалось.

- Позвольте представиться Остап Максимович Николаенко, подполковник службы безопасности Украины. Пройдемте?

Глава 10. Реванш

Разве, упав, не встают?13¹³

Одной из ценнейших способностей Яворницкого было умение заводить влиятельных друзей. За него похлопотали перед увольнением, и оно прошло практически незаметно. Торжественно на пенсию пожилого историка никто не проводил, но и в застенки НКВД тоже не отправили – и на том спасибо. Первые дни историк никак не мог привыкнуть к своему пенсионному статусу. Он даже ходил в музей, продолжая считать его своей вотчиной. Поначалу сотрудники с пониманием относились к уже бывшему директору, пуская его в залы и выслушивая многочисленные и подробные наставления. Ведь Яворницкого в музее не только уважали и ценили, но и побаивались – одни за склочный характер, а другие – в силу ходивших о нем слухов. «Казацкий характерник» - так за глаза называли историка многие суеверные коллеги. А характерник – то есть колдун - может не только клад заколдовать, но и порчу навести или вообще проклясть на веки вечные. Поэтому никто Яворницкому не препятствовал и какое-то время он каждое утро приходил в «свой» музей, который он принял в виде бессистемной коллекции разорившегося промышленника Поля и превратил, как он считал, в храм науки и истории, один из лучших на всем земном шаре. Как и прежде, он каждое утро обходил свои владения – вот казацкие дубы, подбитые в боях с турками и брошенные в днепровских плавнях, вот каменные идолы – «бабы», хранители более древней истории... Иногда Яворницкий останавливался возле них и долго вглядывался в истертые временем каменные лица: «Что вы видели, бессмертные хранители степи? Что пережили? Свидетелями каких кровавых событий стали? Кто вас создал и зачем поставил на высокие степные холмы? Были ли это кочевые племена или наследники более древних цивилизаций? Были ли вы ориентирами или идолами, которым приносили жертвы?». Но все эти вопросы оставались без ответа.

В залах Яворницкий по-хозяйски поправлял сабли, перекидывался сплетнями со зрителями и спускался в хранилище. Хранилище! Это было самое сокровенное место в музее, которое Яворницкий создавал своим трудом много лет. Он знал здесь каждый предмет, каждую мелочь. Все, хранившееся здесь, имело свою собственную историю, все это он или отнял у степи, или выменял, выгадал у старожилов, или вытащил из праха и пепла, или украл из могил... Вот перстень с изумрудом - поднеси его к свету, и засветится он тысячами огней и отблесков. Но не в этом его ценность, а в том, чья рука его носила и обронила при закладке первого камня в основание города. А может и в том, какие желания он исполняет, если верить мрачным преданиям. А вот невзрачная люлька – кончик стёсан до дыр, трещина вдоль трубки, вряд ли удастся набить ее настоящим казацким порохом и прикурить, как это делал когда-то ее хозяин. Выбросить бы ветхую люльку, да и делов всех, но нет – история ее славная и героичная: много походов она пережила и упокоилась вместе с хозяином в степи под Звонецким порогом.

Яворницкий любил взять тот или иной предмет в руки, и, закрыв глаза, представлять, как это было: как дымилась люлька, щекоча нос едким ароматом отдалённых боев, как наполнялась чарка, до самых краев, под зычный хохот... И вот история оживала, все становилось понятным и очевидным, Яворницкий брался за перо или тут же делился открытиями с коллегами, слушателями или экскурсантами, а все его называли «характерником», ведь только характерник может так точно видеть прошлое...

Но время характерников давно ушло. Отгремели жестокие бои в Диком поле, а казаки осели по хуторам и станицам. И Яворницкому характерничать в своем музее оставалось совсем

---

¹³ Библия. Книга пророка Иеремии 8:4

недолго. Прошло, наверное, месяца два после того, как музей возглавил новый директор. Мало по малу Яворницкий начал замечать изменения в музее. Появились новые экскурсоводы, молодые и энергичные. Они безбожно коверкали историю и жонглировали датами – у них не было ни грани профессионализма старых коллег. В один из дней в музее затеяли перестановку – казачью тематику снесли в один зал, освобождая место для демонстрации достижений народного хозяйства и трудовых подвигов. Яворницкий терпел – глубоко внутри он понимал незаконность собственных визитов и боялся потерять доступ в свою сокровищницу. Но однажды терпение лопнуло. Яворницкий не любил вспоминать тот день, но память услужливо подсовывала ему детали, которые он волей-неволей начинал обдумывать до тех пор, пока не доходил до нервного озноба. Тогда Серафима приносила ему чай с плюшкой и кутала в одеяло, успокаивая и сводя на нет его гневные монологи. Вот и сейчас, глядя в окно на широкую ленту Днепра, скованную мартовской стужей, Яворницкий вспоминал, как прыщавый, долговязый экскурсовод, постоянно шмыгая носом возле картины «Казак Мамай» в препротивнейшей манере начал нести что-то вроде: «Ходят легенды, что казаки были люди вольные и смелые, да только как по мне, то вся Сечь – это сброд беглых преступников – воров и убийц. Безнаказанные, в своей Сечи они пьянствовали и гуляли... да вот посмотрите на картину – что казак делает? Правильно, сидит и курит эту, как ее?». «Трубку?» - подсказал кто-то из гостей. «Точно! – хихикнул прыщавый экскурсовод – курит и сочиняет былины о своих подвигах!». И группа засмеялась. В этот момент Яворницкий вскипел. Подобно гоголевскому Тарасу Бульбе он заревел: «Врешь, чертов ты сын! Сам ты лодырь и пьяница, раз не удосужился хоть что-то узнать о славной эпохе нашего края!». Экскурсовод под неожиданным напором опешил, а Яворницкий тем временем все больше горячился: «Набрали непойми кого! Ничего не знают, только людям мозги пудрят! Да разве это картина? Я Вас спрашиваю, – потрясал он кулаком перед остолбеневшими экскурсантами, – картина, а? Нет, это икона! А разве это пьяница-разгильдяй, а? Это символ! Это нить, связующая прошлое и настоящее! Бандура и песнь народная – только так передалась мудрость от поколения к поколению! А это, вот это я вас спрашиваю что? Трубка? Это люлька! ЛЮ-ЛЬКА! Это атрибут! Не может быть казака без люльки! Здесь все символично, это целый мир, а не картина! Она столько может рассказать знающему человеку!». «Так что же это за казак?» - спросил кто-то из экскурсантов. «А-а-а! – победоносно протянул Яворницкий – это особый казак, волшебный так сказать. Это характерник, колдун, по-вашему. Он все знает.» – в полной тишине пожилой историк выдержал длинную театральную паузу, после чего закончил таинственным шепотом: «И может исполнить одно любое желание!». Экскурсанты зааплодировали. Они подумали, что это так и было задумано, что это что-то вроде театральной самодеятельности – сначала несведущий молодой экскурсовод выдвигает глупейшую версию, а опытный коллега с дребезгом разносит ее в пух и прах. Но молодой экскурсовод со своей ролью мириться не хотел. Уязвленный и осмеянный, он не нашел ничего лучше, как спросить у Яворницкого... билет на экскурсию! «Билет?! – завопил Яворницкий – Куда, в мой музей?! Билет?!». Экскурсанты, приняв все происходящее за продолжение представления, расхохотались и обычно тихий зал заполнился громкими возгласами и смехом. На шум прибежала охрана. Чувя неладное, приковыляла кассир, а вслед за ней показался и новый директор. «Что здесь происходит?» – зычно прогудел он, отесняя Яворницкого от молодого экскурсовода. Заметно запыхавшийся пожилой профессор прошипел: «Кто это такой? Почему он несет такую ересь в моем музее?». «Подождите, какой ваш музей? – визгливо спросил экскурсовод – это музей общественный! У нас знаете, в стране частных музеев нет! У нас все принадлежит государству! А у вас еще и билета нет, вы... вы... безбилетник!». «Да есть у него билет, забыл он его на кассе» – отдуваясь, пыхла грузная кассир. Она всегда боялась, что когда-нибудь бывшего директора не узнают в залах и потому откладывала на него билет, мало ли что. Услышав скандал, кассир поняла, что беднягу старика просто выкинут вон, поэтому схватив отложенный квиток, устремилась в залы так быстро как могла. «Ну

раз недоразумение улажено, то все мы можем разойтись». – спокойно сказал новый директор. Он сделал вид, что не признал Яворницкого, хотя это было конечно же не так. Его голубые глаза буравили пожилого историка и в них ясно читалось: «Здесь тебе больше не рады». Молодой экскурсовод, вздернув вверх прыщавый нос, увел группу в следующий зал – рассказывать об угнетателях-императорах и буржуазном застое. Наступила тишина. Смотритель услужливо подставил старому профессору стул и тот в бессилии опустился на него. Отчаяние и уныние охватили его. Такого унижительного поражения он не испытывал никогда – разве может быть что-то хуже, когда дело твоей жизни сначала отбирают и присваивают, а потом выпроваживают вон, словно бродячего пса? И присваивает-то кто? Тот, кто гораздо хуже, ниже и глупее тебя! Смотритель и кассир с жалостью глядели на сторбившегося на стуле старика. Они не знали, что внутри этого дряхлого тела разгорается ярость, и этот огонь будет подпитывать историка в его исследованиях еще целых восемь лет. Но в тот миг – миг отчаяния, Яворницкий поднял голову и посмотрел на Казака Мамая, прямо в его спокойное лицо и неслышно прошептал: «Реваншу! Я хочу реваншу! Я все за це віддам!»¹⁴.

В тот бесконечно долгий день Яворницкий до позднего вечера просидел на скамейке под акацией на проспекте, который веком позже назовут в его честь. Наступал вечер пятницы, в домах зажигались окна, всюю горели электрические фонари, а в новеньком кинотеатре «Факел» вот-вот должен был начаться вечерний сеанс. Мимо проходили нарядные пары – веселые, молодые и счастливые. Яворницкий смотрел на них и думал о том, что у них впереди все, чем полна человеческая жизнь – и горе, и радость, и праздные хлопоты, а у него – лишь скудные старческие дни, утекающие сквозь пальцы, как песок. Жаркий вечер сменился ночной прохладой, все вокруг постепенно стихало, и вот уже прогремел последний трамвай и наступило какое-то умиротворяющее полуночное спокойствие. Одурающе пахла акация, и в тот момент Яворницкий будто бы погрузился в сон наяву – он видел, как плоскодонные ладьи с парусом боролись с бурным течением Днепра у порога. Наконец, они пристали к берегу, уставшие воины ступили на землю и в тот же час прибрежные заросли камыша очертились всадниками и лучниками, казалось нет конца и краю этому бесчисленному войску. Черной тучей накрыло оно дружину, а потом расступилось. В центре Яворницкий увидел связанного и сдерживаемого врагами широкоплечего воина. Голова его была без бороды, совершенно голая, а с одной стороны, свисал клочок волос, наподобие казацкого оселедца — признак знатности рода. И хотя белое одеяние багровело кровью, было ясно, что сам он в бою не пострадал. Угрюмо и грозно смотрел плененный витязь исподлобья на вражье войско. Вот из толпы неприятеля вышел высокий воин – волосы его были заплетены в длинную косу, заткнутую за пояс, в один миг взмахнул он саблей, и голова с оселедцем упала на землю, а вслед за ней и фонтанирующее кровью тело. Печенег поднял голову с земли и долго смотрел в остекленевшие глаза.

Внезапно видение померкло, и пожилой профессор погрузился в глубокий сон. Разбудила его Серафима, когда небо уже алело в проблесках зари. Когда муж не вернулся домой как обычно к обеду, она забеспокоилась и побежала в музей, где кассир ей поведала о развернувшейся батальной сцене. Когда же Яворницкий не пришел и вечером, Серафима, позвав на подмогу домработницу Глашу, побежала его искать. Несмотря на темень и таящиеся в ней угрозы, две хрупкие женщины исходили весь парк и излазили Архиерейский овраг – страх за мужа перевешивал все. Потом Глаше пришлось в голову заглянуть на проспект – там-то они и обнаружили Дмитрия Ивановича. Проснувшись от суматошного торможения, он никак не мог понять, где очутился. Профессор весь продрог и долго не мог подняться – ноги дрожали и не слушались его. Он и сейчас не мог вспомнить, как тогда они добрались домой...

Жаркое лето того трудного года прошло, оно сменилось затяжной теплой осенью и бесснежной зимой. Только к концу февраля пришли настоящие морозы. Холода Дмитрий Ивано-

¹⁴ Реванш! Я хочу реванш! Я за это все отдам! (укр.)

вич не любил – с их приходом полевые изыскания и экспедиции заканчивались и наступало время кабинетной работы. Сейчас же экспедиций не было вовсе – все долгие месяцы Яворницкий не ступал дальше калитки своего дома, а сейчас и вовсе не выходил дальше крыльца. Тщетно Серафима пыталась растормошить его, приглашая то прочитать лекцию об истории края в училище или в городской библиотеке, то увлекая очередной книжной новинкой в некогда любимой им книгарне Егорова. Пожилой профессор игнорировал даже такие любимые им долгие прогулки по нагорной части города. Яворницкий угасал и смирился с этим. Единственное, что не давало покоя – это то странное видение, явившееся ему ночью на проспекте. У Яворницкого не было сомнений, что видел он гибель Святослава Игоревича от рук печенегов подле днепровских порогов – именно так ее описывали летописи. Но была ли это большая фантазия потрясения от того, привычный мир рухнул или пророчество, данное свыше? А если пророчество, то тогда почему оно явилось именно ему? Ведь пророческие знания никогда не даются просто так, они приходят, чтобы изменить мир. Но как он – Яворницкий, скованный своей старческой немощью – мог что-то изменить сейчас?! Ответ пришел через долгих восемь месяцев.

Прошлой ночью Яворницкий никак не мог уснуть. Поначалу он ворочался в кровати, несколько раз кряхтя вставал, чтобы посмотреть в окно или занять себя еще чем-то, потом Серафима принесла горячего молока, укрыла мужа потеплее пуховым одеялом, потушила свечи и ушла спать в свою спальню. Темная безмолвная мартовская ночь окутала город. Ни звука не доносилось извне, только свет фонаря на другой стороне улицы просачивался в окно сквозь морозные узоры на стекле. В доме тоже наступила тишина. Впервые в жизни Яворницкий пожалел, что живет не в коммунальной квартире – уж так ему хотелось в тот миг слышать жизнь – пусть даже это был бы раздражающий плач младенца или ругань пьяного соседа. Яворницкий остро ощутил свое одиночество – будто бы он один на всем белом свете, и нет ни души рядом. И стало так горько, что по старческой щеке сами собой покатались слезы. Он мог бы встать, чтобы пойти на кухню, и там, громыхая старым чайником, разбудить Глашу или Серафиму, они принялись бы хлопотать, поить его чаем и развлекать разговорами. Но какое-то странное бессилие затопило все комнату. Яворницкий подумал: «Наверное, оттого так страшно умирать, что случается это темной беспросветной ночью в горьком одиночестве». И в этот момент что-то тяжелое и теплое прыгнуло ему в ноги, устраиваясь поудобнее на мягком одеяле. «Васька! – обрадованно подумал профессор. – Васька вернулся! Вот поганец, два дня не было!». И благодатный сон без сновидений накрыл его.

Проснулся Яворницкий, когда над Днепром разгоралась багровая мартовская заря. Она прорывалась сквозь плотные сизые тучи, обещая солнечный и ветренный день. На одеяле все так же мирно спал серый кот, а за стеной было слышно, как Серафима собирается к первому уроку, давая Глаше разные наставления. Жизнь продолжалась. Яворницкий, еще сонный, подошел к книжному шкафу – ему вроде как захотелось провести день за неспешным чтением. Просматривая полки с книгами, он вдруг вспомнил о своей незаконченной работе о фольклоре народов, населявших приднепровские степи в разные времена. Материала он собрал предостаточно, чтобы сейчас засесть за его систематизацию. Яворницкий ощутил прилив вдохновения – такое забытое, а ранее привычное чувство, которое возникало вслед за научной идеей, нуждавшейся в проработке. С энтузиазмом он взялся доставать рукописи и заметки, сложенные кое-как в шкафу и в столе. Из кипы заметок выпал лист бумаги, и подхваченный сквозняком, улетел под кровать. Яворницкий, кряхтя и чертыхаясь, достал его и отряхивая от пыли, вслух прочитал: «Записано со слов последнего запорожца Никиты Леонтьевича Коржа... От же ж! Это надо было перепроверить, а я ж дурак такой отложил и забыл!». И тут его словно громом ударило – это же ответ, зачем ему было явлено обстоятельства и место гибели Святослава Игоревича. «Вот же он, реванш! Реванш!» - закричал Яворницкий. На крик прибежала встревоженная Серафима и заспанная Глаша, они принялись кружить вокруг профессора как две

нерасторопные няньки вокруг ребенка. Но от прежнего дряхлого старика не осталось и следа, Яворницкий был собран и деловит, ему предстояло решить главную загадку в его жизни. Он отмахнулся от женщин, и сел за стол, сосредоточено раскладывая записи. За окном уже вовсю светило яркое солнце, в его лучах потихоньку таяли длинные сосульки, и весенняя капля усиливалась с каждой минутой. Просыпался от зимнего сна Днепр, хотя стороннему наблюдателю могло по-прежнему казаться, что он скован льдом. Но там, под ледяным панцирем уже закипала жгучая сила, готовая со дня на день разрушить зимние оковы. Еще немного, и лед тронется – белые осколки поплывут к Черному морю, растворяясь в бурном течении новой жизни.

Яворницкий смотрел в окно на Днепр, на покрытые снегами поля и дороги, и уходил мыслями то в прошлое, то в будущее человеческих цивилизаций. А недовольный, разбуженный суматохой кот, потянувшись, вальяжно спрыгнул с кровати и направился на кухню – там наверняка в блюде уже лежит приготовленная хозяйкой сметанка – что еще нужно для счастья в такой короткой по сравнению с историческими эпохами кошачьей жизни?

Глава 11. Призраки прошлого

Но не всегда будет мрак там, где теперь он огустел ¹⁵

«Пепел к пеплу, прах к праху» — вот он смысл всех погребальных культур во все времена. Все возвращается к истокам и питает новую жизнь: этот замкнутый круг бесконечности и есть эссенция бытия. Земной путь Любви Витальевны Орловой, такой грозной и непобедимой при жизни, был закончен — ее брэнное тело предали земле, где оно, превращаясь в прах и пепел, будет долгие годы питать кладбищенские березы и сирени. Но проводы в последний путь были в самом разгаре — не дожидаясь, пока работники погоста закопают яму, коллеги Орловой, спасаясь от не на шутку разыгравшегося ливня, погрузились в микроавтобус и поехали в корпус на поминки. Так как организация похорон полностью легла на сотрудников кафедры, то приходилось экономить на всем — в том числе и на поминальном столе. По злой иронии накрыли его там же, где и умерла Орлова. Юлия достала одноразовую скатерть — точно такую же, в которой еще два дня назад вынесли тело заведующей кафедрой: Зоя пару месяцев назад накануне череды февральско-мартовских торжеств покупала сразу несколько упаковок одинаковых наборов для праздников — так выходило дешевле. От недавнего застолья осталось несколько упаковок минеральной воды и сока — их тоже достали и поставили на стол. Все казалось неправильным, нелепым, ненастоящим. Сказывалось и то, что раньше организацией разных мероприятий на кафедре занималась Зоя: она покупала продукты, приборы, оповещала и приглашала всех, кого нужно. Но Зоя была в больнице, а Юлия справлялась куда хуже. Оказалось, что она забыла привезти алкоголь, и после долгих поисков и метаний, Сиволапов наконец, достал из сейфа бутылку французского коньяка, подаренную ректором, и со вздохом поставил ее на стол. В шкафу на кафедре обнаружилась начатая бутылка водки — ее открыли, когда праздновали новый год. Лаборантки судорожно резали колбасу, ворча о том, что нарезать все можно было и в кулинарном отделе...

Наконец все уселись за стол. Потекли размеренные беседы — поначалу все вспоминали Любовь Витальевну, жалели ее, обсуждали, как много она сделала для кафедры и каждого сотрудника. «*De mortuis aut bene, aut nihil*» ¹⁶, как сказал Диоген. Но потом хмель начал беречь старые раны, и мало-помалу разговор превратился в обвинительные речи: прежние обиды, которые нет-нет, да и вспоминались украдкой на кладбище, звучали громче и громче. Сейчас, когда наконец можно было заговорить открыто, не страшась расправы и западни, коллеги не скупилась на эпитеты. Их жестоки реплики сводились к тому, что Орлова была мстительна, злопамятна и завистлива, и на работе, и в семье она жила по принципу «разделяй и властвуй», сталкивая лбами коллег и близких. Противников и оппозиционеров Орлова уничтожала безжалостно и безоговорочно. Она гордилась своим умением ведения войны за очередную ступень карьерной лестницы, часто сравнивая себя с искусным гроссмейстером, хотя по сути была провинциальной интриганкой. Слово «провинциальный» в устах коллег сегодня звучало особенно едко и торжествующе. Все сходились во мнении, что, играя с людьми, Орлова переиграла саму себя. Семья развалилась, дети ее бросили, кафедра и факультет тоже пришли в упадок. А ведь были люди, которые стояли у истоков научных школ! Вот взять, к примеру знаменитого в городе археолога Кравцова — что она с ним сделала? Организовала травлю в лучших традициях советских профессиональных союзов, и сердце ученого не выдержало. А Ухов Валерий, разве он заслужил такую участь?! Сколько талантливых людей ушло с кафедры после интриг и пре-

---

¹⁵ Библия, книга пророка Исаии, глава 8, стих 22

¹⁶ «О мертвых либо хорошо, либо ничего»

следований, сколько доносов было написано в компетентные органы, сколько отказов сотрудники получили при подаче документов на гранты, премии и награды, сколько диссертаций не прошло утверждение в ВАКе... Оказалось, что каждого были свои счеты с Орловой, каждому она так или иначе сломала или испортила жизнь. В стороне от этих разговоров остались только Репов, который недавно перешел из института археологии на кафедру и Дмитрий, который волею судьбы не сталкивался с темной стороной личности Орловой. Напротив, он всегда считал ее мудрым руководителем и проницательным человеком. Сиволапов тоже в дискуссии не участвовал – как истинный охотник он занял выжидательную позицию в стороне. Всей позой и взглядом он напоминал хищную птицу, следящую за движениями мышей под снежным покровом. Еще миг – и чей-то не осторожный язык приведет жертву к неминуемой гибели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.